

ДРУГИЕ
МИРЫ

Юлия Фирсанова

ДОРОЖНЫЕ
РАБОТЫ
ПО НАСЛЕДСТВУ

Юлия Алексеевна Фирсанова
Дорожные работы
по наследству
Серия «Другие миры (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70010197

*Дорожные работы по наследству: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.; 2024
ISBN 978-5-17-158487-0*

Аннотация

Работа есть всегда – это не только рекламный лозунг, а правда жизни. Даже если ты вдруг оказалась не студенткой третьекурсницей, а некой реш-кери из прекрасного замка. Потому как к замку прилагается куча всякого разного: загадочный артефакт Архет, обязанности по его применению, странные красавчики-эльфы под опекой, плетущий интриги Круг Князей, маньяк-охотник с хвостом, дядюшка-некромант. Так, стоп! Продолжать можно долго, а работать кто будет?

Содержание

Пролог в двух частях	5
Глава 1. Скорая подъездная помощь	18
Глава 2. Хвостатый	23
Глава 3. Странная экскурсия по Киградесу	33
Глава 4. Очень странные находки	42
Глава 5. Архет и княгиня	52
Глава 6. Нейссар, дядюшка и ответы на вопросы	59
Глава 7. Откровения с того света и этого тоже	70
Глава 8. Ночная и модная	84
Глава 9. Утро добрым не бывает?	92
Глава 10. Вернуться и вернуть, или Чем мой брат не принц эльфийский?	104
Глава 11. Коронация по-эльфийски и ее последствия	114
Глава 12. Неожиданное приобретение	123
Глава 13. «МАЛЕНЬКИЙ НЕВИННЫЙ САДИК»	134
Конец ознакомительного фрагмента.	141

**Юлия Алексеевна
Фирсанова
Дорожные работы
по наследству**

© Юлия Фирсанова, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог в двух частях

Часть первая (очень маленькая)

Где-то на Земле

– Лирка! Вставай, засоня, в универ опоздаем! – донесся до меня голос брата. – Пока ты копаешься, я все гренки съем!

– Р-р-ры! Пользуешься тем, что я сова, жаворонок шизанутый! – вырвался у меня возглас досады.

– Ням-ням! – глумливо и нарочито громко прочавкали в ответ.

Пришлось выкручиваться из уютного одеяла и подниматься. Опоздать на лекционную пару не трагедия, Борисовна все равно перекличку в конце второго часа устраивает, чтоб никто под шумок не слинял, на первом отметившись. Но гренки! Гренки с кофе на завтрак – это всяко лучше, чем кофе без гренков. А Леонид, Ленька, или что проще и привычнее – Лён – форменный проглот! Все, сколько бы мать ни нажарила, способен умять на завтрак. Вот вечером он вялый да сонный, и тогда уже я могу со сковороды у него под носом самую поджаристую котлету утянуть раньше, чем он вилку

поднимет. Но утро – не мой час.

Ленька не успел слопать все гренки. Я плюхнулась на табуретку и отправила в рот первый кусок. Уже остыла, но все равно вкусно! Да, то что надо! Люблю сладкое и мясное, но по отдельности. Котлету, которую младший братец Данька полил сгущенкой, съесть не смогла.

Лён хихикнул, глядя на меня.

– Чефо? – настала моя очередь чавкать.

Насмешник кивнул в сторону небольшого настенного зеркала. Там отражался чернобыльский одуванчик.

Ну да, волосы у меня темно-темно-коричневые, цвета горького шоколада, и вьются вроде как мягкими волнами. Вроде как! Потому что утром, до встречи с расческой, они умудряются начисто перепутаться и превратить голову в лохматый шарик.

– Кончай стебаться, лучше кофе сестре налей! – попросила я, и сжалившийся брат бухнул передо мной бадейку с волшебным напитком. Черный, сладкий, горячий. Пять-семь глотков, и я проснусь! Радоваться миру и любить его не начну, но ненавидеть всяко перестану, или стану поменьше, процентов эдак на пятьдесят.

– Спаситель, – поблагодарила я, после шестого глоточка и второй гренки.

– С тебя матеша вечером, нам опять десять страниц про-решать Шверда задала, – пояснил причину своей доброты и щедрости меркантильный братец.

– Ладно, тогда с тебя микроскопные зарисовки к лабораторке, нам на дом доделать дали, – стала я торговаться.

Леньке намалевать несколько картинок – раз плюнуть, примерно как мне задачки по математике перещелкать, которые им Швердова задает. Я даже люблю это дело, но признаваться нипочем не стану, а то братец сядет на шею и свесит ноги.

Кофе и гренки кончились быстро. Сполоснув чашку, я отправилась пытаться себя – расчесываться. Каких только щеток уже ни перепробовала, ничего толком не помогало. Распутыватель, конечно, лучше любой другой щетки, но все равно приводить в порядок шевелюру долго, мучительно и больно.

Стричься пробовала, но волосы отрастают очень быстро и, словно в отместку, после этого путаются в три раза больше. Нальсо я обкорнать себя так и не решилась. Родители, форменные маньяки по части «правильно-положено», точно бы скандал закатили, потому пытки прекратила и остановилась на длине по лопатки. Расчесанные волосы если и путались, то делали это незаметно, целостность прически не нарушали, на глаза не лезли и во всяких муссах, лаках и прочих химических подпорках не нуждались.

Белобрысому моему братцу приходилось и того хуже. У него даже при минимальной длине вихры такие мягкие и легколетучие, что вечно везде лезут. А отращивать нельзя, потому как тоже не прямые, выющиеся. А Лён не девка, косички и бантики не прокатят.

На одежду ушел еще пяток минут. Джинсы, футболка, ветровка узлом на бедра, слипоны на ноги, сумка-шоппер с тетрадками на плечо – и вперед! Ленька, собравшийся раньше, хлопнул дверью до щелчка замка, и мы помчались по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, наперегонки, как всегда. Не из соперничества, просто размяться хотелось.

Ленька, балбес, взял и сиганул сразу через весь лестничный пролет. Я так тоже могу, но один раз плохо стопу поставила, пришлось пару дней похромать, с тех пор прыгать лихо не рискую. То ли у меня кости тяжелее, то ли ловкость хуже прокачана, чем у брата.

На лестницу у меня ушло два прыжка, а потом мы резко затормозили, потому что дверь на площадку третьего этажа распахнулась и раздался истошный крик...

Часть 2 (побольше)

Киградес: два трупа и одна проблема

Ивер с задумчивой досадой созерцал трупы в кабинете князя Гвенда. Больше всего хранитель Киградеса злился на самого себя. Как, как его, просчитывающего каждое свое деяние, угораздило так вляпаться? Триста лет назад ответил согласиём кузену, когда речь зашла о назначении

на номинальную почетную должность, прибавить к званию управляющего Нейссара, числящегося владением князя, титул хранителя. Поманили неограниченным доступом в архивы правящего дома. А теперь расхлебывай! Несвоевременно, неприятно, обременяюще – эти три слова в равной степени объясняли состояние Ивера.

Теперь уже не номинальный, а истинный хранитель скрипнул зубами и подавил низменное желание пнуть тело князя, раскинувшегося в кресле, а потом подойти и врезать такому же беспечно валяющемуся на соседнем предмете мебели наследнику Дварду.

Но что толку? Пинай бездыханные тела, не пинай, а слово дано и клятву надлежит исполнять. Сердитый, как тысяча мантикор, Ивер прищелкнул длинными ногтями, обращаясь к привычной, словно дыхание, силе.

Трупы дернулись марионетками на ниточках, поднялись из кресел почти синхронно и, повинувшись управляющей воле, поплелись в семейный склеп. Там давно были готовы лежа – открытые саркофаги для каждого члена рода. А куда еще прикажете девать тела? Не оставлять же их в кабинете, как нравоучительную инсталляцию грядущим наследникам?

При мысли о наследниках незримый обруч на голове у Ивера болезненно сжался. Кажется, накатывала редкая и мучительная гостья – мигрень. Ни заклинания, ни рунные артефакты, ни лекарства от этой пакости не спасали, только прабабкины заговоры, да и то они лишь ослабляли, а не про-

гоняли боль.

Усевшись в освобожденное от тела князя кресло, Ивер снова прищелкнул ногтями. По центру комнаты возник вполне узнаваемый призрачный силуэт. Точная его материальная копия только что ушкандыбала в склеп.

– Ради этого именно ты и назначен был хранителем, Ивер! – с ходу, нарушая все каноны вопрошаний вызванного духа и правила некромантии, нагло объявил покойный князь Гвенд.

– Мне искать виновных, ригаль-эш? – неопределенно повел рукой хранитель, имея в виду удаленных из кабинета мертвецов.

– Не существенно, – поморщился Гвенд. – Сыграли с Двардом в старую игру. Бокалы с ядом я поменял, но противоядие оказалось к старой модификации «последнего глотка». Потому игра оказалась последней. Глупость... Тебе надлежит искать следующего князя, хранящего и отверзающего врата, прокладывающего пути. Проверь для начала артефакт Архет. Остался ли он связан с нашей кровью, пребывает ли по-прежнему в замке Киградес?

– Ты не знаешь? – недоверчиво выгнул бровь Ивер.

Слишком непохоже было такое на князя, всегда старавшегося владеть максимумом информации и быть хозяином положения.

– Нет, отсюда не зрю. Планировал пожить еще тысячу-другую лет и лишь потом искать наследника. Я не ведаю

об иных своих потомках, кроме Дварда. Он кулон принять бы не смог. Архет ясно дал понять, – поморщился покойный князь, убитый в большей степени не рукой сына, но собственной самоуверенностью и жаждой острых ощущений. – Если медальон все еще в замке, то достань розу крови.

– Хм, – покивал хранитель, теперь понимая, что означали игры Гвенда с наследником.

Это был лишь спектакль на публику. Преемника у князя не имелось. И не потому, что Двард был глупцом, недостойным бремени правителя. Амбициозный, безжалостный, властолюбивый, но не глупый. Виновник был лишь один – артефакт Архет, древнейшая реликвия. Она наделяла князя Киградеса способностью связывать владения с иными мирами через врата-порталы, создавать дороги и позволять всем желающим совершать путешествия. Или не наделяла. В чем была причина того, что артефакт отказывался подчиняться официальному преемнику князя? О том написано было немало трудов философами и знатоками магии, выдвинуто сотни гипотез, но истины не ведал никто.

Случалось, исторические хроники Киградеса о том свидетельствовали, кулон не мог избрать носителя в правящем княжеском доме и исчезал, чтобы найтись в руках иного рода. Но со смертью избранника всегда возвращался к династии князей Киградеса. Или, бывало, Архет вовсе пропадал, и тогда порталы и пути закрывались на десятилетия или даже на века. Рушились состояния, судьбы, связи, стагнация уби-

вала мир, и лишь новое явление артефакта запускало процесс обновления. Зато наличие реликвии служило нерушимым гарантом преданности княжескому дому. Вот только Двард, рассчитывающий получить артефакт по наследству, жестоко ошибался. И вовремя не образумивший потомка Гвенд тоже.

Оборвав тягостные рассуждения, Ивер решительно встал и последовал в тронный зал. Вздох облегчения сорвался с губ некроманта, и призрак вторил ему. Кулон – крупный радужный камень на серебряной тонкой цепочке был на месте. Он не покоился на подушке трона, а раскачивался бесконечным маятником, зацепившись за спинку. Туда-сюда, туда-сюда, без всякого стороннего воздействия и ветра. И туманные спирали в недрах камня, казалось, свивались и развивались вновь, складываясь новым причудливым узором.

Наличие артефакта прямо свидетельствовало, что наследник у князя Киградеса все же имеется, пусть и неведомый самому ныне покойному ригаль-эш. Дело осталось за малым – найти, вручить кулон и посадить на трон.

– Роза крови в сокровищнице, – напомнил Гвенд хранителю княжества. – Достань ее и вызови кого-нибудь из охотников. Лучше Чейра.

– Не знал, что он самый лучший, – слегка удивился Ивер, отправляясь в замковую сокровищницу. Кулон он, разумеется, оставил висеть на спинке трона. Если хочешь жить – таких реликвий лучше не касаться не то что голыми руками,

даже артефактными перчатками с набором знаков высшей защиты, исполненных грандмагистром.

– Не высчитывал. Они все хороши, но этот только до девиц охотник, на парней даже не взглянет, – пояснил свою циничную мысль призрак.

Хранитель, давно уже не вождевший страстно ничего, кроме знаний, спустился на пару этажей ниже. Он вошел в коридор, доступ в который имел лишь князь или, в отсутствие ригаль-эш, официально посвященный хранитель. Поживаясь от давления охранных сетей, Ивер распахнул не запертую на зримые засовы дверь и вошел в первую из анфилады залу, где тысячи лет копились сокровища княжеского рода. Этих бесценных украшений, артефактов, оружия не касались ничьи иные руки, кроме дланей полноправного владыки Киградеса.

За порядком, как и везде в замке, следила магия – призрачные служители из иных планов бытия, призванные еще далеким прапрапрадедом князя, заботились о сохранности сокровищ. Паранойя, возведенная в абсолют, не позволяла князьям постоянно держать подле себя слуг из плоти и крови. У живых куда больше слабостей, чем у мертвых, а значит, на них можно надавить, заставить, искусить и склонить к измене. Так, во всяком случае, полагали в роду параноика Гвенда.

В родовой замок не было хода тем, кто не принадлежал к семье. Для встреч, балов, приемов и визитов имелся замок

Нейссар, связанный с родовым переходом-порталом, открывающимся лишь самому князю и его наследнику.

В сокровищнице, на высоком постаменте из цельного куска янтаря, под прозрачным колпаком из застывшей воды стояло искомое. Оно переливалось всеми оттенками красного, от нежного розового до яростного багрянца, и выглядело как цветок розы. Но цветком не являлось. Зафиксированная во времени и пространстве живая кровь Гвенда ригаль-эш Киградеса, сохраненная впрок.

Ивер забрал розу крови. Его рука легко прошла сквозь преграду. Придерживая «концентрат наследия» за кроваво-красный черенок с длинными и острыми шипами, хранитель вышел из сокровищницы живым и с трофеем. Не будь на то воли и разрешения покойного князя, сам бы Ивер стал одним из когорты призрачных слуг, невзирая на мощный дар некроманта.

В тронном зале хранитель поднес розу крови к артефакту. Он подержал ее рядом с Архетом положенный срок, чтобы «ароматы» смешались в нужную нить поиска, достаточную для начала охоты.

Более не тратя времени на пребывание в княжеском замке, Ивер перешел в Нейссар и невольно вздохнул с облегчением. Без близости живого ригаль-эш стены замка Киградеса, выживая чужака, давили на находящиеся в его стенах бетонными плитами с вмурованными шипами.

Книга Вызова находилась в рабочем кабинете Ивера и яв-

лялась дубликатом книги ригаль-эш Киградеса. Она лежала на пюпитре слева от стола. Ивер раскрыл артефакт и, обмакнув перо в особые чернила, написал имя призываемого.

Возможно, Чейр и не был самым лучшим из охотников, но одним из лучших он, без сомнения, был. И являться на зов князя своевременно был обязан. Клятва клана, принесенная ригаль-эш Киградеса, не давала простора для маневра.

Впрочем, склонности к позерству принадлежность к охотникам не исключала. Ивер только начал просматривать кое-какие документы, на которые ему указал призрак Гвенда, когда стук в дверь не снаружи, а изнутри возвестил о присутствии постороннего.

Хранитель оторвался от бумаг. В ближайшем к столу кресле восседал странный альбинос. Совершенно белые волосы, стянутые в высокий хвост, глаза с радужкой цвета очень темной вишни, но черные ресницы и дуги бровей. Серебряная нить растительного татуажа по контуру лица, глумливая улыбочка на алых губах. Черные одежды и белая пена кружева роскошной рубашки.

– Чейр, – не столько поздоровался, сколько констатировал Ивер.

– Хранитель, – столь же «радостно» приветствовал его охотник. – Неужто Двард признан негодным и на тебя возложили поиск нового наследника князя? Тяжко твое бремя. Мои соболезнования. Но лишь устные. Я не древний пергамент, не свеженький зомби и не тысячелетний лич, чтоб тебя

утешить и взволновать, да и ты не сладкая булочка-красотка.

– Воистину, пергаментом ты бы мне понравится больше, да и насчет зомби я бы подумал, – хмыкнул Ивер. – Но сейчас нужен как охотник. Облегчи мое бремя, найди и приведи наследника. Оплата по контракту на поиск и премия по успешному итогу.

Хранитель не стал ходить вокруг да около и протянул Чейру розу крови.

– Даже так? Срочно? – цокнул языком тот, не став вдаваться в подробности об участии Дварда.

Если Хранитель по воле князя или в обход оной дает поручение разыскать наследника, то он в своем праве. На нем клятвы и долг, не всегда сочетаемые с обычным служением правителю Киградеса. Эти клятвы могут идти рука об руку, параллельно или даже поперек основного служения ригаль-эш Киградеса, но неизменно лишь во благо мира.

Втянув тонкими ноздрями аромат крови, Чейр заправил розу за ухо и перетек из небрежного сидячего положения почти в бойцовскую стойку. Охотник готовился встать на след. Миг, и его не стало в кабинете. След повел меж сфер миров в тот единственный, где находился наследник.

– Довольны, мой князь? – уточнил у призрака Ивер, едва раздражающий своим самодовольством Чейр убрался из зоны видимости.

– Поводов для радости нет, и я уже не твой князь. Все, что нужно, ты от меня узнал, отпусти теперь, хранитель, пора, –

тот, кто еще несколько дней назад был ригаль-эш Киградеса, лишь качнул головой. Более никак чувств не выказал. Да и не владели они больше князем с прежней яркостью, осталась лишь бледная тень, скорее воспоминание о прежних переживаниях и долге.

– Ты не хочешь дожидаться явления наследника?

– Нет. Чейр приведет его, а остальное – твое бремя. Отпусти меня, пора, призракам ушедших, не назначенным к службе, не место близ живых.

– Быть посему, – согласился Ивер и прищелкнул ногтями с кардинально черным маникюром, развеивая чары призыва.

Призрак Гвенда истаял. И Ивер был готов поклясться, что в последний миг на грани между уходящим и грядущим умиротворенный лик князя исказило искреннее изумление с толикой чистого злорадства.

Глава 1. Скорая подъездная помощь

Из распахнутой на площадку двери до нас с Лёном ударной волной донесся вопль:

– Кто-нибудь, помогите! Мама!

Сашка! Это орала Сашка Попкова. Наша соседка-пятиклассница с третьего этажа.

– Чего стряслось? – первым рядом с истерящей девчонкой оказался Лён и тряхнул ее за плечи, пытаясь привести в чувство.

– Мамка руку расхватила, кровь никак не унимается, и перекусить кончилась.

– Лирка, давай, это по твоей части, – живо отреагировал братец.

– Я-то «давай», а ты мухой за губкой гемостатической, –скомандовала и я, до конца не веря в свои силы, и ухватила паникующую Сашу за локоть: – Веди куда надо. Будем первую помощь оказывать!

Дрожащая как осиновый лист девчонка – крови, что ли, боится или за маму перепугалась? – привела меня на кухню, где дела шли скверно. Все вокруг на обычно чистенькой кухоньке было перевернуто вверх дном и заляпано кровью. Особо нож-тесак, тушка сырой курицы и пара пустых бу-

тыльков с перекисью водорода. (Явно пытались кровь остановить!) В центре хаоса с большими глазами, полными паники, пыталась полотенцем замотать руку от запястья до локтя Лидка, то есть Лидия Малышкина, мама Сашки, шапочная подружка моей родительницы. Безрезультатно. Когда-то чистенькое полотенчишко с веселыми утятами уже было красным и промокшим насквозь.

– Так, Лида, полотенце снимай, руку давай, лечить буду! – скомандовала я.

– Алира? Ты разве доктор? – удивилась Лида и выпустила полотенце из испачканных кровью пальцев.

– Руку давай, о моей профессии потом поговорим, – рыкнула я, сцапав руку самострельщицы. Пригляделась. Расхватила она конечность капитально: глубокий порез шел прямо от запястья до локтя. Это ж надо было так! Вместо курицы чуть себе потрошение не устроила с расчлененкой.

Поднеся к губам подрагивающую руку, зашептала:

– На море-океане, на острове Буяне лежит бел горяч камень Алатырь...

Старый заговор из потертой книжки, прочитанной от скуки в деревне у бабушки Наташи, почему-то врезался тогда в память. Единственный из вороха. Остальные сразу показались откровенной ерундой. А этот сам на корочку записался, заучивать не пришлось. Записался и на язык тоже сам лез, стоило только кому-нибудь раскровить руку, ногу или даже нос.

Когда в первый раз сама на себя применила, ненароком распахав ногу бритвенным станочком в попытке удалить максимум волос за минимум времени (фильм начинался!), удивилась, но особого значения не придала. Мало ли, случайно получилось. Когда нашему младшему братишке Даньке после возни с соседскими ребятами кровь унимала из расквашенного носа, тоже не особо верила. Просто успокоить ревущего братца надо было. Но потом Ленька голову разбил, навернувшись с прогнившей лестницы в подвале гаража. Пол бетонный, штыри железные, я здорово перепугалась. Кровь не просто сочилась, она ручьем текла. Текла, пока я пару раз тот заговор не прочла, на третьем она уже едва сочилась. А как я закончила шептать, так и вовсе перестала течь. И зажило еще быстрее, чем обычно. На Леньке вообще все как на собаке заживает, а тут и вовсе за пару дней даже следа не осталось.

Вот и сейчас, едва руку Лидки в свои взяла, как привычные слова заговора сорвались с языка. Один круг, второй, третий. На втором круге из пореза у бедолаги капать перестало, на начале третьего даже сукровица не сочилось. Сашка, стоявшая рядом, как статуя паники, неуверенно выдохнула, боясь спросить вслух: сработало или нет.

Лён вихрем влетел на кухню с заказанной губкой в пальцах.

– Как вы тут? «Скорая» уже, вижу, без надобности! Но в травму все-таки смотайтесь, такси вызовите, – живенько

прихлопнув на порез полезную штукювину, гарантированно останавливающую кровь и ускоряющую заживление, весело посоветовал братец.

– А... ва... о... спасибо, не знаю, как ты это сделала, Алира, ничего ж не помогало, но спасибо огромное, волшебница! – красноречиво ответила Лидка, а разрыдавшаяся от облегчения Сашка обхватила мамку со стороны здоровой руки и тоже затараторила взхлеб:

– Спасибо-спасибо-спасибо!

– Пожалуйста, – я пожала плечами. С одной стороны, было чуть неловко от бурной благодарности. С другой – Лидка и впрямь могла пострадать серьезно, пока бы нашу порой очень «скорую» помощь дожидалась. Закон запаadlo он такой. Потому я лишь пояснила: – И не волшебница я, письма из Хогвартса не было. Это просто старый заговор здорово помогает, обращайся, если что. В общем, долечивайтесь! Мы с Ленькой побежали, а то в универ опоздаем, – ответила я, споласкивая окровавленные руки под краном.

И мы с братцем снова стартовали.

Хлопнув дверью подъезда, Ленька глянул в транспортное приложение и выпалил:

– Маршрутка на углу, ходу, Лирка, ходу!

Пришлось поднажать. В принципе, бегать я даже люблю, но не за машинами. Я ж не собачка Жучка, все радости которой – хорошенько побрехать на колесный агрегат, догнать и задрать лапку. Но опаздывать не хотелось, потому до точки

«Х» мы успели чуть раньше маршрутки и сразу ввинтились в отъехавшие двери. О том, чтобы сесть, конечно, и речи не было, но семь остановок на ногах и потерпеть можно. Зато, как говорится, «пять минут страха, и ты на месте».

Глава 2. Хвостатый

День учебный промелькнул привычной суматохой. Все было как обычно, но в то же время нет. Была одна мелочь. Почему-то я то и дело передергивала плечами и вытирала лицо. Казалось, будто на кожу противная осенняя паутинка налипла и вдобавок за шиворот свалился ее творец – крохотный паучок, который сейчас бегаёт у меня между лопаток. Мерзкое ощущение. На перерыве я даже не удержалась, сходила в комнату задумчивости и почесалась о косяк в кабинке. Не помогло! Чувство «паучка и паутинки» так за весь день и не прошло.

Может, я с ума схожу или банально не выспалась? Нечего было за книжкой засиживаться до двух ночи. Сама виновата. Читатель я запойный и всеядный. Как что под настроение попало, пока не прочту от корки до корки, не успокоюсь. Правда, пока ищущу новый объект вожделения, в корзину могу отправить пару-тройку десятков не зашедших историй. Причем какую-нибудь из этой кучи сама же вытащу через месяц-другой и с восторгом зачитаю. В общем, да, я псих и горжусь этим!

Леньку мой процесс выбора очередной книжки здорово смешит. Он порой нарочно рядом трется и мерзко хихикает, зараза. А я его еще до сих пор не убила за это просто потому, что лень отвлекаться бывает от ритуального поиска и бе-

жать догонять брата, чтобы задушить. Он ведь бежит чуток быстрее меня и лучше прячется. С поры детских игр знаю!

Кстати, читает Леня исключительно – тадам! – не боевики с кровью или фантастику, как сверстники, а исключительно классику и, главное, чтобы описаний природы побольше было. Короче, Паустовский и Пришвин – его кумиры. В школьной библиотеке, помню, в первом классе его от полки с Бианки и Сладковым оторвать было невозможно.

Меня саму-то на этих авторов переключает очень редко, потому до драк за книжку у нас никогда не доходило, не то что за гринки.

Правда, в кого мы такие книжные маньяки, совершенно неясно. Родители если и читают, то редко-редко и что-нибудь модно-простое, вроде Акунина или Коэльо. Младшему нашему братцу Даньке тоже только мультики подавай и ничего больше.

Словом, возвращаясь к моему навязчивому комплексу ощущений. Он продлился до самого вечера, раздражая, как расчесанный комариный укус. Это везучий Лён умотал домой еще пару назад, а у нас была практическая и репетиция КВН, с которой выбраться удалось лишь в надвигающиеся сумерки. Смех продлевает жизнь, никто не спорит, но коржики-пирожки, сколько же времени уходит на подготовку к этому самому смеху. В общем, с затянувшейся репетиции нас разогнала тетя Маша, которой требовалось помыть аудиторию. Ничего не попишешь. Пришлось сворачиваться,

тряпкой по хребту получить никто не пожелал.

Кстати, насчет моей присказки про коржики-пирожки – это нас с Лёном младший братишка Данька заразил! Принес из садика ругалку «блин», а отец ему за это врезал и велел вместо блин говорить другое слово. Вот хотя бы «пирожок» или «коржик». Хохотали мы с Лёном, когда братик конструктор собирал-собирал, а когда вся постройка у него в последний момент рухнула, взял и ругнулся, махнув пухлой ладошкой: «Ай, коржик-пирожок!»

Вот с тех пор к нам с Ленькой намертво прилипло это «коржик-пирожок» и плавно трансформировалось в «коржики-пирожки».

Домой, что забавно, ехала я на той же маршрутке, на которой с Лёном отправлялись в универ утром. Эта реклама циркового шоу в сочетании с трогательной надписью на двери: «Денежку водителю не забудьте! Очень кушать хочется!» запомнилась прочно.

Кстати, о «кушать», спрыгнув с подножки, не спеша двинулась к родной девятиэтажке. Есть уже не хотелось, хотелось жрать. Может, мама сварила хотя бы макаронки? Сыру сверху потру, и ужин готов. Если нет, пусть будет яичница, только быстро. Вообще с изысками кулинарии у нас в семье не утруждались. Когда ребенок дома один, о нем порой слишком трепетно заботятся, когда двое, смотрят на жизнь проще, когда трое – о пустяках уже беспокоиться некогда.

Чистые, здоровые, сытые – и ладно. Причем «сытые» легко превращается в «не хочешь есть, не ешь, пока не проголодаешься». В случае со старшими детьми последнее преобразуется в «не нравится, готовь сам».

Я же, каюсь, готовить ненавижу, лучше помыть всю квартиру, перегладить белье и совершить марш-бросок по пяти магазинам с восьмью сумками, чем один раз постоять у плиты. Ну не мое это категорически, не из того места растут руки. Даже макароны ухитряюсь недоварить/переварить/недосолить/пересолить. Или вообще совершить над ними какое-нибудь немыслимое кощунство: к примеру, бросить в воду вместо соли соду, перец, разрыхлитель теста (ненужное подчеркнуть). Увы, случилось всякое! Потому сама почти не готовлю, и никто из домашних моими кулинарными шедеврами расширять свой гастрономический кругозор не рискует. Словом, лучше я съем, что есть, а если нечего, так просто чаю с хлебушком попью. Потолстеть не боюсь, метаболизм хороший, во всяком случае пока. Будет по-другому, буду переживать, а сейчас ем все, что хочется, хотя скорее, что имеется, и не парюсь.

Дом у нас стандартная девятиэтажка. Уже далеко не новая, конечно, зато основательно-кирпичная. Шумоизоляция, в пикку современным халтурным красавцам в один слой кладки или панелей, хорошая. В тех-то от падения тапочки с лапки таракана просыпается весь этаж, а от случайного чиха соседа – весь дом.

Ну да, лифт частенько на приколе стоит, как крейсер «Аврора», но мы не жалуемся, бег по лестнице – та же зарядка! А район красивый, детский садик через квартал, потому все вокруг зеленое. Рядом с домами раньше деревья сажали, а не парковки закатывали, как сейчас. Машины, конечно, дело нужное и важное, но красавцы каштаны или клены мне нравятся больше, чем самая крутая тачка. Хотя, может, все потому, что это чужая тачка, а деревья для всех?

Или я просто ворчу, потому что весна с летом промелькнули, как не бывало, и осень уже не просто на пороге, а грязными сапогами влезла в жаждущую еще хоть чуточку летнего тепла душу? А может, меня эта паутинка-паучок раздражают? Приду, первым делом душ приму и переоденусь, чтобы унять зуд, а ужинать уже потом буду.

Тряхнув головой, я добилась феерических результатов: одна коварная волосинка угодила в глаз, а вторая в рот. Остановившись на углу соседней пятиэтажки, до дома оставалось всего ничего, долго отплевывалась и терла глаз. Когда проморгалась, недовольно поморщилась. У моего феерического сражения с собственными волосами появился свидетель.

Какой-то странный тип – фрик, гот, эмо или заблудившийся по дороге на маскарад мажор. Костюм черный, кажется, под кожу, белопенная рубашка (кружев на ней было больше, чем ткани), темно-красные линзы в глазах, и самое главное, как у тех, из мультика, про нелетающего страуса – ХВОСТ. Нет, не из попы. Хвост волос, длинных и совершен-

но белых. Классный парик! Я себе такой же хочу на Хэллоуин. Буду вампиршей! Только помаду кроваво-красную прикупить, и вперед! Свои темные волосы – это отлично, но этот белый хвост – он лучше. Хочу такой хвост!

– Эй, – довольная улыбочка слиняла с красивой, но какой-то хищной, что ли, морды фрика, когда он уловил мой жадный взор. – Ты что?

– Хочу! – начала было я озвучивать свои намерения, но тут проклятые волосы снова попали не туда, куда нужно – в нос, и я неудержимо расчихалась.

– Меня? – самоуверенно предположил этот «догадливый» кадр, великодушно дождавшись окончания нового раунда борьбы с шевелюрой.

– Хаэр, – пояснила я и ткнула в его хвост пальцем: – Супер! Хочу такой!

– Это мои волосы, – процедил разочарованный в лучших чувствах мажор.

– Так я с тебя скальп снимать и не рвусь, – пожалала я плечами, не понимая реакции, и продолжила шутку: – Навыка нет, испачкаться боюсь и кожу выделявать не умею.

– Ты воистину наследница Гвенда, в грядущем можешь стать достойной заменой Дварду и новой ригаль-эш Киградеса! – довольная лыба снова вернулась на физиономию фрика.

– Не-а, я ролевки иной раз люблю, но сейчас точно не из вашей игры. Если проблема, лучше мастеру звякни, – покачала я головой, только теперь сообразив, что фрик не фрик, а

фанат манги или анимэ. А меня он принял за одну из участников игры по неизвестной франшизе. У них там много всяких длинноволосых красавчиков совершенно европейской внешности в импозантном прикиде. Правда, каким боком я в джинсах и футболке прошла кастинг, не представляю. Но, может, у них там такой перс тоже числится, вроде «самой обычной подружки».

– Да, нам нужно к хранителю, наследница, – о чем-то поразмыслив, согласился беловолосый. Метнулся ко мне, обхватил за талию. Не приобнял игриво, а сжал так, что воздух из легких вышел разом, и тряхнул головой. В его белых волосах, оказывается, была спрятана красная роза. Причем красным было все: и листья, и стебель, и шипы, а не только полураспустившиеся лепестки. Сейчас этот странный, будто созданный из застывшей крови, цветок стал падать. Но не как обычный предмет по законам гравитации, а будто листок бумаги, с которым играет ветерок – медленно и плавно.

Почему-то я, как загипнотизированная, уставилась на это диво. А от розы расходились круги. Словно падал красный цветок в воду, только круги были прямо в воздухе и тоже красные, как роза, только очень бледно-красные. Но почему-то отчетливо видные в тускловатом вечернем свете.

Когда роза упала, этот розовый свет взметнулся в стороны и вверх, будто вода от упавшего в воду камня, и нас накрыло, закрутило, понесло. Короче, смыло!

«Так вот зачем хвостатый в меня так вцепился», – пришло

запоздалое откровение.

Вечер в городе перестал быть томным. Он вообще перестал быть вечером и в городе. Ключевое слово – «быть». Я и этот мажор в черно-белом маскарадном костюме неслись, кружась, куда-то, как сумасшедшие танцоры в космическом вальсе. В ушах звенело, перед глазами крутился калейдоскоп красок и образов. Но сосредоточиться и вычленить что-то одно никак не получалось.

В следующий миг мы рухнули. Не на грязный после осенних дождей потрескавшийся асфальт, а на очень жесткий и крайне холодный пол из красно-черного камня. Пол в каком-то большом зале с гобеленами на незнакомые мне сюжеты и оружием на стенах, стрельчатыми проемами окон, забранных витражами с узорами строгих геометрических форм. Большею частью ромбов.

Собор, что ли, какой? Не похоже. Оружие на стенах имеется, ничего на религиозную тему в интерьере нет. Это точно не единственная в нашем городе католическая церковь, сейчас являющаяся концертным залом.

– Эй, полярный лис, мы где? – хрипло уточнила я у валяющейся рядом тушки с белой гривой. Глаза мужчины были открыты, но затянуты мутной пеленой, и дышал он с присвистом. Будто через силу.

– Эй? – снова позвала я и попробовала его легонько трянуть.

Беловолосый застонал, будто мое касание ожгло, как кра-

пива, или сработало вместо дефибриллятора. Но в глазах у него прояснилось. Потому я поспешила повторить самый насущный вопрос:

– Мы где и как здесь оказались?

– Не тут... Не так, – беленький прохрипел ответ и сделал вялую попытку сесть на полу.

Я поднялась на ноги и оглядела зал еще разок уже со своих метра семидесяти пяти. Все то же, только за витражи получилось заглянуть. Лучше бы не глядела, для сохранения жалких остатков душевного спокойствия. Там луна была. Нет, не то окончание и другое ударение, луны. Одна красная, вторая сиреневая. Один плюс один – это два. Неправильная математика, цвет не тот и вообще пространство какое-то неевклидово.

– Что не тут и не там, я и без тебя вижу. Обратно как вернуться?

– Невозможно, – просипел очень красноречивый собеседник с таким видом, будто он вот прямо сейчас двинет кони. На ноги беловолосый и бывший совсем недавно энергичным тип все-таки встал. Но качался, как тонкая рябинка на ветру. Вынужденно попытался облокотиться о стену и с воем отдернул ладонь. Кожа выглядела так, будто руку приложили к раскаленному металлу.

– Не трогай здесь ничего, наследница, – поспешно выплюнул из себя предостережение хвостатый, пока я его пыталась поддержать в стоячем положении.

Совершенно не понимаю, как он ухитрился обжечься о холодную с виду и вовсе не пышущую жаром даже на минимальном расстоянии стенку. Но проверять, тыкая сама: холодный камень или, подлюка, только кажется таковым – не буду. Мне мои ручки дороги, как память.

– Мы в замке Киградеса, а должны были перенестись в Нейссар, – разродился загадочной информацией мой похититель.

Глава 3. Странная экскурсия по Киградесу

– Должны? Ты меня зачем похитил? – уцепились я за последнюю фразу, оставив странные названия (никогда раньше не слышала, и в области их точно нет!) пока за кадром, и чуток сердито встряхнула болезного.

– Наследница, я нанят, дабы отыскать тебя и сопроводить к хранителю, – пояснил мысль хвостатый, попытался отстраниться от меня и опять чуть не рухнул.

Я уцепила его за пояс, чтобы держать понадежнее. Хотя, если начнет падать, можем загреметь костями уже на пару. Он же здоровенный мужик! Вдохнув-выдохнув, спокойствие, только спокойствие, и плевать, что на деле хочется топтать ногами, визжать и вопить, я постаралась уточнить детали:

– Эй, белобрысый, я не андестенд, кто, куда, когда, откуда, как, зачем и почему! И если ты сейчас тут в ящик сыграешь, я так ничего и не узнаю.

– Тогда не отпускай, наследница, иначе меня раздавит защита Киградеса, – с кривой усмешкой поделился мужчина очень странной рекомендацией.

– Вот сейчас вообще все понятно стало, – мрачно хмыкнула я.

Но вверх на всякий случай голову задрала и проверила. Опускающийся потолок отсутствовал. Был почти обычный: все тот же камень, лепнина, правда, все это едва заметно, как угасающие светодиоды в гирлянде, светилось бело-голубым. Специальная краска? О, да и на лестницах она же имеется. Только красили не стены, а сами ступеньки. Мы такое в гостинице на юге видели. Это правильно, если считать носом, то хотя бы знать, что считаешь.

– Я Чейр, охотник крови, – собрался с силами и начал вещать хвостатый, – призван хранителем великого княжеского дома Киградеса Ивером для поиска наследницы. Я отыскал тебя и должен был доставить к хранителю. Но роза проложила обратный путь не в замок Нейссар, где пребывает хранитель, а в резиденцию ригаль-эш Киградеса. Здесь невозможно находиться могут лишь сам князь и его наследник. Иным места в чертогах, без прямого на то дозволения, нет.

Мой похититель в доказательство махнул рукой, где на глазах выцветал ожог после знакомства со стеной. Регенерация зашибись! А он вообще человек или какой-нибудь «людь Х», а может, и «нелюдь Х»?

– Ты ошибся, охотник Чейр. Никакая я не наследница. Своих маму с папой знаю, давай ты меня обратно верни и ступай дальше искать, кого нужно, – постаралась я вернуть жертву недоразумения на путь истинный.

– Невозможно! Роза привела, кровь поет, замок открыл для тебя врата, наследница. Я никогда не ошибаюсь. Гвенд

мог спрятать тебя, но я всегда нахожу того, чей след взял. Не важно, кого ты прежде считала своими родителями, ты – кровь и плоть ригаль-эш Гвенда, великого князя Киграде-са! – уверенно и самодовольно объявил Чейр.

Слишком самодовольно. И я прикусила губу, давя возражения. Эта наглая физиономия действительно просила кирпича, но... Отец и мать. Если действительно есть зов крови, то для родителей в моем случае он звучал очень тихим шепотом. Да и в случае Лёна тоже. Вот младшенького братца Даньку они любили, баловали, тискали при каждом удобном случае, а мы...

Мы просто были записаны в паспорте на нужной страничке как дети. Нас полагалось кормить, одевать, учить, даже развлекать. Но любить по записи в паспорте невозможно. И они, эх, даже не пытались. Завидовала ли я малому, на которого изливались потоки родительского обожания? Конечно, порой завидовала. Но пусть у меня не было нежных родителей, зато был Лён, братишка, с которым мы делили вкусняшки и нахлобучки поровну.

Тем не менее сходство моей мордашки с мамиными детскими фото и Ленки с отцовскими было налицо. А любовь... ну не срослось. Бывает. Маленькая была, переживала малость, потом забила.

– Сбой в любой работе бывает. У тебя тоже накладка вышла, из-за которой все кувырком пошло. Давай мы отсюда вернемся в город, и ты дальше свою наследницу искать бу-

дешь! – внесла я здоровое предложение.

Приключение – это, конечно, здорово, если читать или смотреть, но сейчас домой надо вернуться, потому как очень есть хочется – раз, и Лён уже должен беситься, не понимая, куда сестра подевалась, – два.

– Наследница, в замок Киградес не может ступить ничья иная нога, кроме законного ригаль-эш и его наследника, – терпеливо с выражением муки «создал же бог такую идиотку» повторил-пояснил Чейр. – Ты точно реш-кери по крови. Лишь нам от рождения, где бы мы ни появились на свет, доступно знание языка того мира, куда приходим, и того создания, с которым ведем беседу.

– Ну-у, может, я какая-нибудь дальняя родня, очень дальняя. Мало ли кто в моем роду отметился? – почесала я маковку свободной от поддержания болезного спутника рукой. Только сейчас сообразила, что общаемся мы с хвостатым во все не на русском. Точно не на русском! И поторопилась объявить: – Раньше я чужих речей с налёта не понимала. Учила, как все прочие. Только здесь и сейчас смогла с тобой говорить без перевода.

– Дальняя родня? Вряд ли. Не понимала раньше, но понимаешь речь ныне? Кровь спала, а сейчас пробудилась, – ударил своими аргументами Чейр в ответ на мою беспомощную попытку придумать разумную версию и продолжил инструктаж: – Нам придется найти ригаль-эш Гвенда самим. Не существенно, хранителю Иверу или самому князю я доложу об

успехе миссии. Он переправит нас в Нейссар. Я получу награду, а ты можешь остаться и продолжать отказываться от титула наследницы или принять его.

– Еще бы я знала, о чем ты талдычишь, – вздохнула я, ничего в происходящем не понимая, и пожаловалась: – Есть хочу! Обед был давно, а до ужина я добраться не успела, ты меня по дороге перехватил.

– Возможно, в замке есть еда, но безопаснее сначала предстать перед князем. Без воли ригаль-эш находиться в Киградесе невозбранно не может никто, – настороженно предостерег Чейр.

– А где его искать, твоего князя? – уточнила я. – Есть варианты? Обслужу сначала поискать или как-то вызвать, пусть подскажут?

– Здешние слуги? – неожиданно ухмыльнулся Чейр. – Нет, наследница, не советую. Очень не советую. Пока ты не вступила в права официально, это все может скверно кончиться. Сама ищи. Иди туда, куда тебя кровь зовет.

– Мы точно в Киградесе, а не в русской сказке? – буркнула я, «обнадеженная» ценным предложением. Слишком близко оно показалось к традиционному «иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». – Кстати, хватит уже меня «наследницей» тыкать, Алира я, лучше просто Лира.

– Достойное имя, – одобрил хвостатый. – Солнце надежды.

– Э, вообще-то нет, что-то вроде «свет бога», – поправила

я, пытаясь припомнить, о чем мне как-то говорила мама, выбиравшая имя не по значению, а по красоте. Звучание имени мне самой нравилось, но смысл как-то неоднозначно воспринимался.

– На реш-кери твое имя означает «солнце надежды», ты же сама слышишь, али-эра-и, – процитировал Чейр и подтолкнул: – Ищи нашего ригаль-эш, наследница. Не уверен, что твоя кровь будет укрывать нас обоих долго. Не успеем, придется тебе одной поиски завершать.

– А подсказку? – спросила я, чувствуя легкий азарт, как обычно перед интересной задачей, будь она в учебнике или в жизни. Вот и теперь завелась: оказалась неизвестно где, неизвестно с кем, а едва очухалась, с ходу попыталась сообразить, где некий ни разу не виданный мне типус квартирует. И почему слова «ригаль-эш» и «князь» звучат словно в унисон, то ли дублируя, то ли замещая друг друга? Интересный эффект! Тоже языковые заморочки?

Здешний замок, конечно, внушал, даже в той крошечной малости, какую удалось разглядеть. Если бы не голод и невнятные угрозы, вообще бы все здорово складывалось! Только Леньки не хватало. Вдвоем бы мы все быстро облазили.

Чейр фыркнул и сказал чуть растерянно:

– Подсказку? Если мне надо кого-то найти, я иду и нахожу. Хорошо, если есть запах нужной крови, но если нет, все равно нахожу. Ты иди по следу своей. Вы из одного истока.

– Я чего тебе, служебная-сторожевая собачка? – буркнула я. – Еще скомандуй голос, апорт и фас.

– Пробуй поиск, я здесь слеп и глух, – почти попросил Чейр.

Я задумчиво цокнула языком и пожалала плечами. Он просто идет и находит, а мне как быть? В «горячо-холодно», что ли, поиграть? Других-то вариантов нет.

Придерживая одной рукой хвостатого, второй я повела в воздухе. Ладонь держала раскрытой, пытаюсь понять, откуда-нибудь чую тепло или нет? Я так несколько раз потерянные вещи искала и даже находила. Ключи, часы, мобилку, пульт – все, что ухитряется потеряться именно тогда, когда оно позарез нужно и как можно быстрее. Кстати, у Лёна тоже такой поиск получался. Но если я ладонью чувствовала тепло, а потом и жар от близости искомого, то он ветерок. Мы так даже играли порой с братом в прятки.

Я снова повела рукой перед собой и передернула плечами, поймав резкое ощущение жара, будто по ладони прошелся луч полуденного июльского солнышка. Есть! Раз что-то получилось, стоит сходить и проверить, что именно. «Раздва-три-четыре-пять, выходи искать!» Под звучащую в голове песенку, переделанную из мультяшной, я пошла вперед. Но почему-то повел меня жаркий лучик не вглубь замка, вверх или вниз по пустынным лестницам, так и продолжавшим светиться сами по себе бледно-голубым светом без всяких ламп и факелов, а наружу. Может, этот самый незнако-

мый мне князь любит прогуляться под луной, то есть парой лун, любуясь окрестностями и совершая вечерний моцион? Или он лунатик? Неважно, для начала его надо найти!

Как сиамские близнецы-неразлучники, мы с хвостатым двинулись, огибая уходящие ввысь к потолку колонны и обходя ступеньки начинающихся лестниц. Ковров или дорожек тут не имелось, лишь каменный пол, потому запинаться или спотыкаться в принципе было не за что, а почему-то хотелось.

Нам пришлось в полной мере прочувствовать дурацкую поговорку «каждый шаг по рублю». У меня создавалось впечатление, что иду через густой кисель с натянутой по всему периметру в сотне направлений разом бритвенно-острой проволокой. Мы с Чейром проходили сквозь нее, но почему-то не распадались на куски, как в каком-нибудь дешевом старом ужастике вроде «Пункта назначения».

Эти странные чувства на обострившуюся паранойю и голодные галлюцинации списать не удалось. Чейр, неслышно ступавший рядом, закусил губу. Бисеринки пота выступили у хвостатого на висках как раз в тот момент, когда я в очередной раз продиралась сквозь незримые заграждения. С уст мужчины сорвался не то сдавленный стон, не то рык.

– Ты чего? – почему-то шепотом спросила я.

– Защита замка очень сильна. Она давит, режет самую суть каждый миг, – одними губами шепнул спутник.

– Коржики-пирожки, а я думала, у меня личные глюки, –

хрипло ответила я, кое-как дошкандыбав до массивных дверей из ада, и налегла плечом на прикрытую створку, огромную, выше меня в высоту больше чем вполовину. Двери были деревянные, пусть и с широкими металлическими полосками-заклепками. Думала, осилю. Я же крепкая. Ха! Наивная чукотская девушка, створка даже не подумала отделиться от своей товарки. Будто была приклеена или заперта снаружи. Но хоть не ожгло при касании о стенку, как хвостатого.

Рядом налег на препятствие плечом Чейр. Он не сдержал стона боли, стало быть, для мужчины термоэффект стен сохранялся и на двери. Створка едва заметно дрогнула.

– С маху, на счет три? – азартно предложила я.

– Три! – провокационно выдохнул хвостатый, без всякого раз-два. Вот она разница мышления в действии!

Но среагировать рефлекторно на циферку я успела. Нашим совместным усилиям створка поддалась. Немного, не более полуметра проема. Но просочиться во двор на свежий воздух в ночную звездно-лунную тьму мы смогли, не ободрав бока.

Глава 4. Очень странные находки

– Надеюсь, тут голодных сторожевых собачек ночью не спускают? – первым делом опасливо поинтересовалась я у спутника.

– Собак? Нет, я слышал только о призрачных тварях, обитающих в замке и стерегущих покой князя, – «обнадежил» меня Чейр, а потом все-таки в самом деле подбодрил: – Истинную наследницу не тронут.

«Даже уточнять не хочу, что ты имеешь в виду насчет тварей», – передернув плечами, мысленно решила я и сосредоточилась на ощущении горячего лучика на ладони. Нелепо, конечно. Какие лучи в прохладную двухлунную ночь? Но пока действует, пусть действует.

Приоткрытая нами дверь так и осталась в положении доступа в замок, а мы с Чейром двинули куда-то налево. Ну что ж, налево так налево. Хорошо еще, не в странные кусты справа.

– Реварра, растет на толщину пальца в сотню лет, – отметив мой интерес к насаждениям густо-зеленого цвета, пояснил гид.

– Декоративные или какая практическая польза есть? – я повнимательнее пригляделась к тому, что выглядело как пушистые сосенки-лилипуты, растущие кустами наподобие сирени.

– Ее аромат приятен, освежает разум и убивает всех, не принадлежащих расе реш-кери, лоэ-диэль и дро-су, – беспечно дал справку Чейр.

– Ик! – встала я столбом, пытаюсь сообразить, я уже умираю или еще чуток поживу.

– Что случилось? – рука хвостатого соскользнула с моего плеча и словно ненароком прошла по нижним девяноста. Если бы с нашими парнями в универе дела не имела, точно бы решила, что все это случайность. Ага, только это «бы» имелось в наличии. Разберусь, но для начала следует уточнить шкурный вопрос:

– Мы от этой реварры помрем или противоядие какое имеется?

– Зачем нам противоядие? – неподдельно изумился хвостатый. У него даже рука потянулась почесать лоб. – Я реш-кери, ты, наследница, тоже. Твой запах тому подтверждение. Я уже говорил.

– То есть если я каким-то боком это самое реш-кери, то от ядовитой хвои в ящик не сыграю? Уже хорошо. Еще лучше будет, если ты прекратишь меня лапать, и совсем замечательно, когда я отсюда свалю домой к брату.

– Прости, Алира, красивые женщины – моя слабость! – без всякого намека на угрызения совести повинулся Чейр.

– Оно и видно, – невольно рассмеялась я.

Еще не понятно, в какую переделку угодил и выберется ли из нее с гарантией целым и невредимым, чуть ли не во-

пил пару минут назад от боли, а мимо красивой попки руку пронести органически не способен.

Оставив терки на потом, заливаемые красным и сиреневым светом местных спутников, мы потащились дальше, туда, куда вел меня незримый жаркий лучик.

Идти по двору было чуть легче, чем по холлу замка. Незримый кисель ощущался как жидкость меньшей плотности, да и «провода» оказалась натянута не столь часто. Поэтому получалось лучше сосредоточиться на поиске.

Двор замка был громаден, как и сама подозрительно безлюдная махина здания из серого камня с темно-серой сланцевой крышей. Присмотревшись, заметила горгулий на выступах стен и под сводом замка. Нет, конечно, не традиционно-уродливых французских каменных образин, но что-то весьма близкое, хоть и без крыльев. Только камень статуй был темно-красным с черными прожилками, будто выступившие вены. Стильно, однако! Надеюсь, этих «импозантных красавцев» писали не с натуры неведомых мне призрачных тварей?

Налево, куда тянул меня «компас», пришлось идти недолго. Минут через пять мы уже встали перед небольшим зданием. Не сарайчик и даже не будочка задумчивости. Габаритами это сооружение походило на каменный домик, который мы как-то снимали по знакомству всей семьей летом на юге. Только окон в этом не было от слова совсем. Но лучик повел вокруг, заставил обогнуть стену постройки и уперся снова в

двустворчатую дверь.

Ладно хоть она гигантизмом не страдала. Я налегла на одну из створок, и дверка открылась. Без зловещего скрипа для антуража, удивительно легко, несмотря на массивность. Окон тут, как я уже говорила, архитектор не предусмотрел, зато весь потолок светился знакомой спокойной голубизной, как лестницы и потолок в замке. Впрочем, тем, кто оказался внутри «домика», нервничать было уже поздно и совершенно начхать на цвет, свет и аромат.

Короче, мы оказались в склепе. На его первом этаже. Минусовые, судя по лестнице в углу, тоже в реестре числились. А уж сколько – не ведаю и не испытываю особого желания обрести знания по столь интригующему вопросу на практике. Про такие места интересно только читать хорошие сказки, чтобы нервы пощекотать, а самой лазить – ни-ни!

В склепе из всей мебелировки имелись два массивных каменных ложа из багрового камня с черными и серебряными прожилками, изукрашенных шикарной резьбой. Свято место пусто не бывает. Там лежали двое в длинных, расшитых серебряной и золотой нитью темно-красных камзолах с высокими стоячими воротниками и прочими элементами гардероба, несовместимыми с двадцать первым веком.

Оба брюнеты с волосами, выющимися крупными волнами, и носами с аккуратной горбинкой. Почти как у меня. Только я была совершенно точно жива, а эти двое... Эм-н, люди, конечно, могут спать где угодно, даже на камнях, если

вусмерть устали. Только почему-то я ничуть не сомневалась: эти двое точно мертвы. И еще! Тот, который выглядел постарше... Теперь я поняла, Чейр не лгал насчет своей убежденности в моем родстве с нынешним князем. В зеркало я смотрелась регулярно. Этот незнакомец вполне мог быть моим отцом. Ныне покойным отцом. А откуда тогда взялся живой и здравствующий вместе с матерью? Непонятно, но вряд ли Чейр знает ответ.

– Хм, две новости у нас есть: хорошая – мы нашли того, кого искали, плохая – тот, к кому мы шли, скорее мертв, чем жив, – резюмировала я.

– Князь Гвенд и первый наследник Двард ушли за порог, теперь мне ясно, почему так торопился с поисками хранитель, – поморщился, как от зубной боли, Чейр.

– Что теперь?

– Коснись его, – велел собеседник, кивком указывая на того мертвеца, который постарше.

Нет, трупов я не боюсь, но и обниматься с ними не спешу. Потому первым делом настороженно, чуя возможный подвох, уточнила:

– Зачем?

– Гвенд не откроет нам путь из Киградеса. Чтобы попасть в Нейссар, нужна воля Архета.

– Это кто такой?

– Это – наш шанс выжить. Могущественный артефакт – главная регалия ригаль-эш Киградеса, – расщедрился хво-

статый на непонятные объяснения.

– Я все же не уловила, какая взаимосвязь розыска регалии и трупа. Не съел же ваш князь этот самый архет?

– Отыскать Архет нельзя, он должен тебя позвать. Возможно, его зов уже звучит, если мы оказались здесь, а не в Нейссаре. Но артефакт не был вручен тебе ритуалом, потому дорогу проложит кровь, – пояснил Чейр и, не дожидаясь, пока я соображу, что хвостатый конкретно имеет в виду, начал действовать. Схватил мою руку своими когтями и хлопнул ладонью по мраморно-твердой руке старшего трупа. А тот взял и оскалился, правда, с каменного ложа не вскочил и даже глаз не раскрыл. Но этот оскал!

– Ой, коржики-пирожки! Он что, вампир? – изумилась я, пытаясь отпрыгнуть от князя Гвенда, но на деле только стукнулась спиной о грудь Чейра и осталась на месте.

– Я же говорил, мы реш-кери. В иных мирах нас порой зовут и так, – поддержал меня охотник, снова не упустив шанса пройти горячей ладонью по талии.

– Вампиры! То есть вы чего, пьете кровь? – озадаченная откровением, я почти не обратила внимания на эти легкие заигрывания.

– Кровь, жизненную силу, энергию магических даров, силу чувств... – почти торопливо и небрежно перечислил Чейр. – Реш-кери различны. Каждый выбирает дорогу в соответствии с сутью и наследием.

– Фу-у! Я безе, арбузы и котлеты люблю!

– Люби, никто не запрещает. Питаться нужно и плоть, а не только суть, – кажется, хвостатого удивила моя реакция.

– А ты чем питаешься? – настороженно уточнила я, прощупывая уровень опасности обретающегося в шаговой доступности вампира.

– Страх! Его сила и аромат меня возбуждает, именно такова моя суть охотника, – гордо похвастался Чейр и поторопил: – Боль возвращается снова, тебе стоит поспешить с розыском Архета. Если не подтвердишь права наследования, то мы не выберемся отсюда живыми.

Почему-то я спутнику поверила. Пусть и затащил он меня черт-те куда без предупреждения, но остаться в этом «черт-те где» в виде нашинкованных незримой проволокой кусочков совсем не хотелось. Тут вроде как куча интересного намечается. Пусть смерть подождет! Кстати, насчет вампиризма, я решила, что пугаться рано. Даже если я эта самая решкери, что тоже еще доказать надо, может, раз они такие разные, я персонально буду питаться запахами?! Как занюхну котлетку – и сыта! Или отбивную или пироженку... Хватит думать о еде, а то начну жевать реварру! Говорят, в хвое много витаминов, жаль, мяса совсем нет.

Так, с вампиризмом потом разберусь, а пока надо бы сосредоточиться и таки поискать это самое на букву «А». При чем то, с каким почтением именовал неизвестную мне фиговину Чейр, предусматривало именно заглавную букву.

Эх, как сюда добрались по лучику, попробую и это «А»

поискать по той же методе. Надеюсь, найду его, а не новую партию трупов. Эти хоть и не пахнут, и выглядят почти как спящие, а все равно неприятно. Живые мне точно больше нравятся, я ж не некромант какой и не некрофил, я вообще не некро!

Опять чуть ли не в обнимку с Чейром, которого стало пошатывать еще более ощутимо по мере приближения к замку, мы вернулись через приоткрытую створку громадной двери. Стоило войти, как она бесшумно (А как же законы физики? Или они тут частично аннулированы?) закрылась за нашими спинами. Захотим выйти, придется ломиться по новой сквозь весь кисель с проволокой и лезвиями?

Хвостатому по мере продвижения в недра замка становилось, видать, все хуже. Он уже не ухмылялся и даже не делал попытки меня полапать. Наваливался всем телом, качался, но упрямо переставлял ноги, почти подволакивал их, шаркая по камням.

– Может, тебе где-то присесть и подождать, пока я ищу? – осторожно уточнила я у болезного, когда едва успела подстраховать его от очередного падения.

– Может. Тебе так будет проще, но тогда не возвращайся. Не за кем будет, – безмятежно согласился Чейр, устало закрывая веки.

– Не, хвостатый, так дело не пойдет, я тебя еще не отпинала за свое похищение! – наотрез отказалась я от перспективы сотворения трупа бездействием. – Идем дальше вдвоем!

– Почему хвостатый? – вяло полюбопытствовал Чейр. – У меня нет хвоста, я не оборотень.

– А это что? – фыркнула я, бесцеремонно дернув за длинную белую прядь, выбившуюся из прически.

– Волосы, – вяло ответил он.

– Связанные в здоровущий хвост. Так что хвостатый, и точка! – отрубил я, решительно поворачивая в очередном коридоре роскошного замка направо. – Вариант «песец» не катит, у тебя жесткие патлы, а он хоть и хищная, но очень приятная на ощупь зверушка.

– Я тоже могу быть приятным на ощупь, – по алым губам похитителя скользнула тень насмешливо-соблазнительной усмешки. На что-то большее сил у него не осталось.

– Можешь, можешь, казанова недобитый, только сначала выживи, – сквозь зубы выдохнула я, сворачивая туда, куда следовало идти, и недовольно поморщилась. «Проволоки» не было, все стало невидимым, густеющим с каждым шагом киселем. Такое чувство, что еще пара-тройка метров, и он превратится из плотного киселя в кирпич, а сквозь камни я ходить не обучена. Это жизнь, а не старая киносказка «Чародеи». На одной вере в себя и игнорировании препятствий напролом не двинешь.

Лучик вел туда, под высокую арку впереди. Дверей, ни открытых, ни закрытых, в ней не было, все тонуло в клубившемся радужном тумане, вроде не густом, но не позволяющем рассмотреть детали.

Еще два шага мы все-таки сделали, а потом Чейр встал как вкопанный и выдохнул:

– Мне туда ходу нет. Смерть!

– Если я тебя тут оставлю, тоже смерть. И чего будем делать? Вопить: «Артефакт Архет, лети сюда в мои загребушие руки?»»

Договорить я успела одновременно с тем, как нечто не крупное, с мяч для большого тенниса, вылетело из арки и с силой врезалось мне в ладонь. Руку не отсушило, но приложило существенно.

Дают – бери, бьют – беги. Исходя из этого принципа, руку я сжала и добычу не выпустила.

– Признаю, принимаю, вступаю! Повтори, быстрее! – над ухом у меня зазвучал голос Чейра, и в нем была такая мука, будто еще секунда, и хвостатый в самом деле окочурится.

Испугавшись перспективы остаться вовсе без советчика и живого навигатора под боком, я торопливо повторила странную подсказку. И то, что холодило руку, стало раскаленным угольком, прожигающим не только ладонь, а все тело разом. Прожигающим, расправляющим и переплавляющим снова.

Это длилось вечность субъективную, а объективно миг-другой. Я даже разжать руку и отбросить бяку подальше не успела. Разжала потом и поняла: НЕ БЯКА! МОЕ, НЕ БРОШУ! НЕ ОТДАМ!

Глава 5. Архет и княгиня

Радужный камень в серебряной оплетке на цепочке прихотливого плетения смотрелся красиво, но дело было вовсе не в прелести побрякушки. Чейр не зря испытывал такое благоговение, именуя архет Архетом.

Этот небольшой изящный камешек, словно свитый из волшебных туманов, был дорогой, вратами, основой и сутью. И понимание этого отпечаталось у меня в голове, как тавро на шкуре быка.

Чейр все еще продолжал хрипеть. Но теперь я знала, что делать: торопливо повесила кулон на грудь и отчеканила, вцепившись сильнее в руку хвостатого:

– Под защитой!

– Ригаль-эш! Княгиня! – выдохнул тот с непередаваемым облегчением. Ну еще бы, всегда приятно, когда тебе отменяют уже приводящийся в исполнение смертный приговор.

«Ригаль-эш? Княгиня? – снова удивилась я двойному звучанию в унисон и резкой смене в звании. – Уже? Чего так быстро, как на лифте-то? Когда из наследницы успела повышение получить? Неужто тогда, когда Архет себе на грудь повесила и скороговорку выпалила?»

Пакета информации обо всем и обо всех я не приобрела. Лишь поверхностные знания о назначении и применении бесценного кулона, которые еще следовало обмозговать

и разложить по полочкам. А заодно я поняла, что говорили мне лишь ригаль-эш, а перевод срабатывал сам собой, подбирая самое близкое по смыслу и звучанию слово из привычного лексикона. Не более того. Насчет остального предстояло пытаться хвостатого. Благо он выжил и годен для экзекуции. В животе некстати жалобно вякнуло. Ой, как же хочется жрать! Но сначала вопрос про социальный «лифт».

– Почему сразу княгиня? – спросила я.

– Ты призвала, тебя признал Архет, ты использовала его силу, – коротко пояснил Чейр.

– Ага, автоматом засчитали. Ты говорил, здесь может быть еда? – уточнила я уже о прозаично-насушном, обшаривая голодным взглядом коридор.

Увидела пока только одно: радужная арка перестала быть таковой, не клубилась туманом и не переливалась размытым семицветьем. Она тривиально открывала вид на большой зал с одиноко стоящим и совершенно не съедобным здоровенным стулом на невысоком постаменте. Или это надо называть трон? Ну а что? Дерево темно-красное, плоская подушка-сидушка пурпурная, спинка высоченная. Золотые и серебряные накладки имеются. Чем не трон? Хорошо, что не из мечей собран. А то порежешь себе чего-нибудь жизненно-важное или отрежешь случайно, и инвалид!

– Киградес – средоточие власти ригаль-эш Киградеса. Здесь он должен пребывать не менее трети года, – ответил мне Чейр. – Призови призрачных слуг и вели подать на стол.

Или отправимся сразу в Нейссар к ожидающему вестей хранителю.

– Сначала еда. А то покусая вас всех.

– Покусай, я люблю такие игры! – тут же сделал попытку протянуть руки куда не следует хвостатый.

– А я «Геншин импакт» предпочитаю, – отрезала я, скидывая руку обнаглевшего спутника (или ему радость жизни, как моча, в голову ударила?), и позвала: – Эй, я есть хочу, призрачные слуги!

Коржики-пирожки, незамысловатый призыв сработал мгновенно. Справа прямо в стене коридора на каменной кладке возникла открытая дверь в комнату. Ну, пусть будет столовую или трапезную. Потому что внутри стоял большой стол, накрытый на две персоны (хвостатого учли прицепом): скатерть, бокалы, блюда и... БИНГО! – еда. Много еды! Свежей и даже горячей!

У них тут кухня скоростная? Когда приготовить успели? Я же только-только заказала! Или тут дело в магии и все готовое пребывало вне времени и пространства, чтобы возникнуть по моему запросу?

Эх, не знаю еще, какие обязанности у княгини, кроме поддержания функционирования Архета. Думаю, навалом, и мне они не понравятся, но привилегия – возможность получить долгожданный ужин – чуток компенсировала грядущие проблемы. Дома меня бы так вкусно не накормили. Даже Лён, когда на него находил стих покухарить, такой вкус-

ноты не делал. Про маму же я вообще молчу. Кухня – это, уже говорила, не ее. Разве что гренки и котлеты – коронные блюда. Вот если что сшить или связать...

Но о проблемах я подумаю потом, нет, не завтра, а сразу после ужина. Наверное, Чейр решил так же, потому что молча составил мне компанию за столом.

Вилки были двузубыми и целых три штуки, плюс пара ножей разных калибров и четыре ложки к ним для комплекта. Но издеваться над приборами и собой я не стала. Ложкой накладывала салаты, ножом и вилкой расправлялась с мясом и гарниром. Если чье эстетическое чувство это задевало, мне было совершенно плевать! Впрочем, хвостатый, хоть и орудовал всем своим арсеналом куда ловчее меня, ни слова против не вякнул. Однако вид у Чейра был такой, будто его мучает какой-то вопрос, но задать его он не решается.

Только когда я съела какое-то мясо в дивном соусе, салаты (попробовала пять штук, больше не влезало) и десерт, Чейр разродился неуверенным вопросом:

– Княгиня, а что такое геншинимпакт?

– Ха, «Геншин импакт» – это поинтересней укусов будет и к постели никакого отношения не имеет, – мечтательно протянула я и пригорюнилась. Смартфон тут, я уже быстренько проверила, вообще превратился в совсем не волшебный кирпич. Даже фонарик не включался. Когда еще доведется поиграть? Нет, все вокруг тоже чертовски занятно, но мой гаджет жалко было до слез. И вообще как-то резко захоте-

лось обратно.

– Эй, хвостатый, а когда я смогу домой вернуться? – не откладывая дела в долгий ящик, выпалила вопрос.

– Княгиня, отныне твой дом здесь, и любые игры, какие лишь пожелаешь, также к твоим услугам в пределах Киградеса – замка и мира.

– Если бы! Но чего-то мне кажется, про заботы и работу ты недоговариваешь, то ли с умыслом, то ли сам не знаешь всего, – вздохнула я, уже почти привычно сбросив игривую руку Чейра со своего колена.

«Не поняла юмора! Он чего, в фавориты набивается, или просто стиль поведения такой „трахать, все, что шевелился, что не шевелится – шевелить и трахать“?»

– Не грусти, княгиня, – попытался подбодрить меня хвостатый, посверкивая темно-вишневыми глазами. – Жизнь вообще веселая штука, надо только сделать так, чтобы работа и заботы были тебе в удовольствие! Кстати, я всегда готов буду тебя развлечь! Только позови!

– Чего тебя звать, ты и так тут крутишься, – хмыкнула я и, не удержавшись от искушения, снова подергала Чейра за белую прядь. Ни у одного из моих знакомцев отродясь таких длинных волос белого колера не было.

– Я охотник из свободного клана, моя княгиня. Наша присяга трону Киградеса включает лишь службу-призыв на задание и оплачивается золотом. Но я люблю, когда весело. Если мне весело рядом с тобой, я готов иногда работать, ис-

полняя заказы.

– Весело – это рисковать своей шеей? – перевела я, отщипывая ягоды от грозди чего-то напоминающего виноград по форме, пусть и дикого красно-оранжевого цвета и вкуса натуральной спелой клубники.

Чейр назвал эту вкуснятину нишед, гордо отметив, что поистине вкусен он лишь в Киградесе, потому что вбирает в себя свет Заэна и Зианы. (Это так местные луны именовались.) С чего «винограду» зреть при луне, я не врубилась, но в ботанику лезть не стала. Пусть его!

– Развлечения без риска – не развлечения. Но риск не должен быть пустышкой. Причина и повод важны, моя княгиня, – посерьезнев, расшифровал свою точку зрения на опасности хвостатый.

«Еще один адреналиновый наркоман, нас уже двое», – поставила я предварительный диагноз. Но, как бы то ни было, Чейр тут ничего не решает, он лишь наемник, исполняющий условия контракта. Значит, беседу о своих перспективах надо вести с тем, кого он назвал хранителем. Я выпила из бокала последний глоток незнакомого сока или морса и встала, предложив:

– Ладно, свободный охотник, куда нам идти, чтобы пройти в Нейссар?

Чейр пожал плечами и резюмировал, будто «Отче наш» процитировал:

– Ты – носитель Архета. По воле его открываются и со-

здаются все мосты, связи и тропы в нашем мире и прочих, он и лишь он соединяет нас с иными владениями и отворяет врата.

– О-о, – протянула я, сама не понимая, почему воспринимаю слова хвостатого как истину в последней инстанции.

Ну раз сказал, и я поверила, приму как руководство к действию. Нет, Киградес, который замок, а не мир, не выталкивал меня прочь насовсем, скорее ненавязчиво подпихивал в спину, чтобы я сходила и поскорее вернулась. И самое дикое было в том, что мне, еще не ушедшей, уже хотелось снова оказаться в замке, побродить по его залам и коридорам, недавно чуть не обернувшись смертельной ловушкой, разгадать загадки... Но сейчас и в самом деле было пора.

Я поднялась, краем уха слыша, как скрежетнул массивный стул Чейра, и пошла прочь. Почему-то благодарить за еду не хотелось за неимением живой obsługi. Нет, не так! Я понимала, что этого делать не стоит, потому что не положено. Кем? Об этом я тоже подумаю как-нибудь потом, чтобы не вывихнуть мозг прямо сейчас.

Дверь в коридор открылась сама, когда до нее оставалось два-три шага. А за ней оказался вовсе не тот самый коридор, из которого мы входили.

Глава 6. Нейссар, дядюшка и ответы на вопросы

Я еще не успела насторожиться и отступить, или рвануть вперед, как Чейр облегченно выдохнул:

– Нейссар!

«Ага, вроде нам сюда надо», – согласилась я и смело двинулась в указанном направлении. После режущего киселя обычный проход в другой замок, возникший сам по себе, – это даже не шокирует и уж тем более не пугает! Только прошли мы с охотником вовсе не в новый коридор, виденный через проем двери, а в кабинет.

Я так с ходу обозвала просторное помещение, камень стен которого был обшит широкими панелями дерева теплых тонов и очень интересного рисунка. В сравнении с естественной прелестью творения природы изыски мастеров-бариста, изощряющихся над кофейной пенкой, казались жалкими потугами неумех.

В кабинете имелся монументальный стол, плотно заваленный всякой макулатурой, от книг до папок и свитков. А также шкафы с подборкой аналогичного сорта и какой-то, наверное, сувенирной коллекцией небольших (с грейпфрут) шаров из различных минералов.

Во главе стола сидел колоритный дяденька, чей возраст

я навскидку определить не смогла. Не сопляк явно, но резких морщин нет. Однако, где точка идентификации по шкале лет, не скажешь. Высокий лоб, тонкий нос с горбинкой, скулы четко очерченные, губы не узкой полоской, как бывает у стариков. Но и не пухлые юношеские. Лицо без возраста, как у каких-то эльфов из фэнтези. Волосы по плечи, натурально серые. Тот цвет, который принимает небо, когда облака застыли в сомнениях, а не стать ли им пеленой туч, из которых польется осенний дождь.

Одежду рассмотреть и оценить оказалось проще. Черно-зеленые оттенки и фасон, уже знакомый мне по трупам из склепа Киградеса. Либо тут так модно и принято, либо им так удобно. Не знаю, не пробовала.

– Хранитель, твой заказ исполнен, – довольно доложилась Чейр.

Сделав короткую паузу, охотник закончил:

– И даже более того! Княгиня Алира перед тобой!

– Я почувствовал, – коротко согласился дяденька, вскидывая голову, и на миг-другой что-то вроде удивления промелькнуло в его темно-зеленых глазах. Интересно, если почувствовал, то чего удивляется?

Выскальзывая из-за стола, хранитель внимательно разглядывал не столько меня, сколько кулончик на груди. Наконец, завершив осмотр и так и не проинформировав о причинах своего удивления, выдал:

– Счастлив приветствовать в Нейссаре мою княгиню! Ар-

хет снова обрел носителя!

– Моя плата, хранитель, – напомнил Чейр и расплылся в довольной улыбке при виде туго набитого кошель.

Подбросив его на ладони, хвостатый отсалютовал мне и, выдав:

– Буду рад услужить, ригаль-эш! – явно собрался отчалить.

Даже сделал поворот в сторону двери и тут же замер, не завершив движения, с выражением неопишуемого изумления пополам с возмущением на морде лица. Кажется, у него даже жесткий хвост изогнулся вопросом, и серебристые рисуночки на скулах из абстрактных узоров стали восклицательными и вопросительными знаками.

Нарочито медленно развернувшись обратно, Чейр прошипел:

– Отпусти!

Я скосила глаза на дяденьку из кабинета. Вроде он ничем хвостатого не держал. К полу, что ли, примагнитил? А зачем? Шутки юмора такие странные у местных?

– Отпусти, княгиня! – повторил уже адресно Чейр.

– Чего? – настал мой черед удивляться. Хотя, может, у них тут по этикету так положено? Пожав плечами, я брякнула:

– Иди, куда надо.

А Чейр только скрипнул зубами.

– Хм, презанятно. Неужели? – вскинулся хозяин кабинета и принялся наматывать круги вокруг Чейра, шелкая чер-

ными ногтями с зелеными спиралями. С каждым щелчком с рук падали искорки, которые не гасли, как искры от костра, а взлетали, образуя вокруг хвостатого и меня, кстати, тоже какой-то не поддающийся расшифровке несимметричный узор.

– В чем дело, хранитель Ивер? – психанул Чейр.

– Архет, – констатировал дяденька так, будто этим словом все разом и объяснял.

Я, правда, ничего не поняла, и озадаченный хвостатый тоже.

Легонько вздохнув, дескать, «ну что за неучи, с каким материалом приходится работать», дяденька, которого охотник назвал Ивером, снизошел до расшифровки:

– Артефакт Архет – реликвия, ключ, залог благополучия Киградеса. Он способен связать в единую сеть не только дороги, мосты, все пути нашего мира и миров сопредельных, но и живых по высшему разумению. В последнем случае центр ее не сам Архет, но его носитель, князь, в нашем случае, – легчайшая тень неудовольствия все-таки снова мелькнула на его физиономии, – княгиня.

«Так вот что его не устраивает, шовиниста хренова! Небось, ждал наследника с причиндалами, а Чейр девицу приволок», – запоздало догадалась я. Но обижаться сразу и навсегда не стала. Он же оскорблять меня не кинулся, а что не нравлюсь по половому признаку, так и пофиг.

– У князя Гвенда Архет не работал в полную силу, лишь

поддерживал дороги, но почти не создавал новых и не творил связей меж живыми. У Алиры сродство с Архетом оказалось гораздо сильнее, – продолжил деловитую лекцию Ивер. Даже перестал морщиться и одобрительно глянул на меня, как заводчик на породистую собачку, соответствующую всем параметрам.

– И что все это значит? Его, – я кивнула в сторону Чейра, – ко мне неизвестно чем привязало из-за Архета? А как отвязать?

– В этом нет нужды, моя княгиня. Архет создает лишь нужные связи. Потому Чейр чувствует эти узы. Некоторая злость его – лишь незначительный побочный эффект образования новой связи. Она больше видимость, чем настоящее чувство. Охотник пытается вызвать ее нарочно, а суть его, связанная истинными узами Архета, ликует. Это свойство уз постоянно, как компенсация. Это нормально.

– Чего-то не особо верится. По-моему, ты приставку «не» в слове «нормально» пропустил, – констатировала я. Уж больно возмущенная мина была у хвостатого. С такой не радуются жизни, скорее молотят боксерскую грушу.

– Не пропустил, моя княгиня, – тихо и уверенно отозвался хранитель.

Приплыли, сушите весла! Нет, вот так, если в общем и целом, все вокруг было жуть как интересно, но непонятности плодятся и множатся в арифметической прогрессии.

И самым странным было то, что часть непонятностей го-

лова воспринимает как само собой разумеющееся-понятное и, если не задумываться детально, даже внимания на это дело не обращается. Ну... это как бы знаешь, что семью семь – сорок девять, и пересчитывать сложением не тянет.

Стало быть, и с Чейром сейчас что-то подобное происходит? Умом он таблицу еще не просчитал, а на подкорке результат уже записан, и это здорово бесит.

– Я согласен с ней, – мотнул головой недовольный хвостатый и скрестил руки на груди. – Разбей связь, Ивер! Терпеть не могу эти магические выкрутасы. Пусть она ригаль-эш по крови, но быть связанным с девочкой только из-за реакции артефакта? Алира пока не княгиня Киградеса. По сути, так, кудрявое недоразумение, которое тебе ограничить придется.

– Не-не-не, все логично и гармонично, – неожиданно рассмеялась я, вспоминая наше хромающее путешествие в поисках Архета по замку, – ты хвостатое, я кудрявое – два недоразумения – это сила, и пусть враги содрогнутся от мощи нашего абсурда!

– Враги... – охотник неожиданно резко перестал злиться и почесал висок указательным пальцем с серебряным маникюром. Или это у него такой коготь натуральный? Как бы что-то похожее отрастить? Коржики-пирожки, у них тут классная мода! Черные с зелеными спиральками коготки, серебряные... Какие еще бывают? Я тоже хочу!

Между тем Чейр решительно выдал, резко меняя точку зрения:

– Ты прав, хранитель. Не время для пустых обид. Пока мое место подле юной княгини. Даже здесь, в Нейссаре, ей может понадобиться защита. Я обязан ей жизнью, долг принадлежит вернуть.

«Это чего, у меня теперь секьюрити появился? И такой хвостатенький, прелесть, лишь бы руки не распускал постоянно!» – почти умилилась я. Хотя первым делом я все-таки хотела не о возможных опасностях болтать, а твердо убедиться в другом. Потому махнула на охотника рукой, пусть осваивает реальность, данную ему в ощущениях, и спросила:

– Ивер, если на мне висит эта штуковина, – палец уперся в Архет, – я на сто процентов дочь вашего помершего князя?

– Поиск охотник вел по крови рода и силе Архета, – подтвердил хранитель. – Наследника иной крови он не смог бы отыскать.

– Тогда еще вопрос: кто моя мама? Я же считалась в своей семье родной дочерью.

То, что правильная насквозь родительница могла гульнуть от отца и принести в подоле меня, казалось полным абсурдом. Тут что-то нечисто. Или ее как-то зачаровали?

– Реш-кери не могут зачать дитя с человеком, – фыркнул Чейр почти пренебрежительно. То ли ему вообще люди как раса не нравились, то ли их неспособность скрещиваться с реш-кери. Не разобрать. Потому дергать хвостатого за хвост и ругаться я пока погодила. Ему и так сегодня досталось, врагу не пожелаешь: весь спектр ощущений, от медленной рас-

члененки до прожаривания заживо. Я-то, кажется, худо-бедно кровью родителя от мучений была защищена, а вот охотник нет.

– Интересный вопрос, – согласился Ивер с необходимостью выяснить родство. Впрочем, хранитель не выказывал неприятия, касающегося моего вероятного происхождения от человека. (Может, в отличие от полового, его этот вопрос вообще не волновал? Каких кровей зверушка, не принципиально, лишь бы Архет таскала?) – Охотник, что чуешь ты?

Чейр шагнул ко мне, склонился к самому лицу, почти прижался к щеке и втянул воздух, раздувая ноздри. Схватил руку и быстро лизнул кожу на тыльной стороне запястья, спустя миг-другой еще и укусил палец. Как раз тот, в который вечно и не всегда удачно при заборе крови тыкают металлическим перышком. Потом отпустил руку (на пальце даже следа от укуса не осталось), прекратил меня нюхать и вынес вердикт:

– Я не ловлю следа живой крови.

– А перевести для неучей в реш-кериведении и моментальной генетической идентификации? – полюбопытствовала я.

– У тебя нет живых родичей ни первого, ни второго окоема. Пусть лучше хранитель призовет кого-нибудь и спросит.

– Это как? – Я с новым интересом уставилась на дяденьку-хранителя, попутно пытаюсь сообразить, а с кем же тогда я все эти годы жила, если не с родными. И у кого можно спросить, если живых нет?

– Я некромант, Алира, – любезно пояснил Ивер. – Вызывать Гвенда я не буду, он просил более не тревожить его без веской причины. Но с духом твоей матери можно попробовать побеседовать.

Сказал и чуть заметно прищурился, отслеживая мою реакцию.

– Ух ты! Здорово! Некромант – самая гуманная профессия! Клиент уже мертв, так что ничего плохого с ним больше сделать нельзя! – я аж задохнулась от восторга. – А это врожденный дар или учиться надо?

– Врожденный, развиваемый обучением, переходящий от отца к старшему сыну, – удивленно отозвался дяденька и неожиданно улыбнулся. Кажется, в первый раз за время нашего знакомства. Может, до этого все ждал, как я биться в истерику или скандалить начну, стоит мне узнать о его профориентации или профдеформации. Не знаю, как правильнее?

Где-то сбоку хрюкнул Чейр. Ему явно было весело, гаду хвостатому!

– Понятненько, стало быть, мне некромантом не быть. Ну и ладно, найду себя в другой сфере. А как дух вызывать будете и где? Мы же о моей родительнице ничего не знаем, я, во всяком случае, точно. Двадцать два года считала свою семью настоящей. Пусть не по духу, но по крови.

– Ты сама сказала – кровь, – поправил Ивер.

– Сколько надо? – заинтересовалась я расценками на про-

цедуру поиска в миллилитрах.

Озадаченный взгляд хранителя стал мне ответом, Чейр снова хрюкнул. Теперь он явно прикалывался надо мной.

– В пролитии крови нет нужды, княгиня, – терпеливо, как первую букровку в азбуке наивному ребенку-дошколенку, объяснил некромант. – Достаточно того, что ты – носитель крови своих родителей – будешь присутствовать при ритуале призыва.

– Вот и здорово! Вот и хорошо. Где и как будем вызывать? Прямо здесь или какой-нибудь специальный инструмент и помещение нужно? – меня аж дрожь нетерпения и азарта пробрала.

Фэнтези и ужастики я в любом виде – будь то книжки или игры – всегда обожала, а тут такая шикарная возможность двадцать четыре на семь принимать во всем участие. Еще бы братишку Лёна сюда. Вдвоем бы нам еще интереснее было! Мы с ним вечно во все игрульки, где можно, по сети на пару рублились. Не друг против друга, а вдвоем, одной командой! Будто отвечая на мои мысли и поддерживая их, Архет на груди обдал приятным теплом. Дескать, нужное дело!

– Нет нужды, Алира. Присядь пока, я сотворю зов крови.

Ивер указал мне на кресло рядом с рабочим столом. Чейру присаживаться не предложили, а он и не спрашивал разрешения, нахально устроился в кресле чуть сбоку. Только подтащил его ближе. Нет, не подтащил, взял и как перышко или тетрадку перенес одной рукой.

Ну а чего удивляться? О силе вампиров я читала. А то, что этот конкретный вампир упрямо именуется реш-кери и не пьет кровь, потому как поглощает энергетическую составляющую, короче, страх жертвы, его из разряда вампиров не исключает. Меня, впрочем, скорее всего, тоже. Если я реш-кери по папе. Хотя, чем я питаться должна, еще предстоит выяснить. Но сначала надо закрыть вопрос с родительницей.

Ивер тоже присел, причем не в рабочее кресло с подлокотниками за крупногабаритным столом (наверное, коль княгиня нашлась, ему там сидеть при мне уже не полагалось), а напротив нас с Чейром.

Так что пяточок паркета рядом оставался совершенно свободным. Хочешь узор разглядывай, хочешь танцуй, хочешь пентаграммы черти. Паркет темный, мел хорошо виден будет.

Глава 7. Откровения с того света и этого тоже

Чертить пентаграммы хранитель и некромант в одном лице не стал, читать заклинаний на абракадабре и творить чего-нибудь эффектно-волшебное или страхопробирающее тоже. Спокойно и буднично, будто осуществлял набор номера на телефоне или каждый день вызывал призраков (может, и вызывал?), Ивер сказал:

– Кровь к крови родной! Та, что породила дитя, Алирой ныне именуемое, явись пред нами в облике зримом, к речи способном. Явись и ответствуй нам.

Завершив короткую речь, дяденька некромант негромко хлопнул в ладони. И от этого простого действия из-под его пальцев с кончиков эффектных черных ногтей потек дымок или туман. Нет. Все-таки туман. Сиреневый. На обман, как в ретро-песне, он не походил, а вот на изящный женский силуэт – очень даже.

И пусть цвет был только один – сиреневый, но каждую черточку этой прозрачной девушки я и остальные, наверное, тоже разглядели превосходно. Красавица, тонкая и изящная, какими на картинках рисуют у нас на Земле эльфиек. Миндалевидные глаза в пол-лица, длинные и волнистые, как у меня, волосы. Она возникла лицом к Иверу и тут же приня-

лась крутиться, как всякая непоседливая девица.

– Расскажи про свою дочь Алиру, – начал с самого актуального некромант.

– Алира... – самодовольно ответила красавица. – Моя ошибка, моя гордость. Я спрятала ее от взгляда реш-кери, проведя ритуал подмены, оставив лишь имя. Тот ребенок, как и я, все равно умирал. Я заплатила остатками своей жизни, чтобы моя дочь заняла ее место и жила, не зная страха. А погибающую крошку я отдала в Рощу Дриад. Пусть лучше танцует в тени деревьев, сливаясь с ними, но будет жива.

– Ого, – коротко прокомментировал Чейр, оценивая рассказ.

– А можно поподробнее? – попросила я, окончательно переставая что-либо соображать.

Не знаю, была ли эта красивая, но, совершенно очевидно, далеко не очень умная особа болтлива при жизни, но после смерти она палила контору с превеликим энтузиазмом, ничего не скрывая. Кажется, выражение «мертвые сраму не имут» сейчас обретало новый смысл. Эта призрачная дамочка совершенно ничего в своих речах не стеснялась.

Оказывается, она где-то и как-то ухитрилась словить смертельное неснимаемое проклятье и решила перед кончиной пожить на всю катушку. Пустилась девица-красавица во все тяжкие, мужиков как перчатки меняла. Встретила Гвенда на карнавале в каком-то городе не Киградеса, но мира неподалеку, даже поняла, что он реш-кери. Испугалась чу-

ток, но, когда он начал ее обхаживать, решила пощекотать нервы и позволила себя соблазнить.

Считала, что семя реш-кери не взойдет на ее ниве (натурально, это особа сказала именно так). Но в расчеты вкралась ошибка. Когда стало ясно, что ребенок есть, избавляться от него было уже слишком поздно. И тогда дамочку посетила гениальная мысль. Она решила родить в таком мире, откуда зов родства не дотянется до отца, и там дитяtko оставить. Семья Алиры подвернулась весьма удачно.

И вот тут я от новой порции откровений просто выпала в осадок. Дамочка трещала о том, что она провела с дочерью обряд маски. На подмену она решилась именно потому, что один ритуальный подменьш в семье уже был – махонький мальчишка. Мой брат Лён.

– Он тоже реш-кери? – не удержалась я от нетерпеливого уточнения.

– Глупость какая, нет, мальчик был чисто эльфийских кровей. Я это чуяла явственно. Как чужой облик верный принять, если истинную суть под маской не зришь? – беспечно отозвался призрак мамыши.

Мамочкой или матерью у меня почему-то язык ее назвать не поворачивался. Да и от нее никаких родительских чувств не шло, лишь самодовольство чувствовалось. Дескать, вон как я ловко все провернула. Так что сейчас я ничуть не жалела, что росла в своей человеческой семье. Но один невыясненный вопрос, особенно после обмолвки про чужой облик,

меня все-таки чуток беспокоил. Так, самую малость, процентов на двести-триста! Потому и спросила призрак:

– А ты сама к какой расе относилась?

– Мет-а-мофи, – явно гордясь своей былой сутью, выдала приосанившаяся призрачная красотка.

«Это что за хрень такая и с чем ее едят?» – озадачилась я, окончательно начиная чувствовать себя неведомой зверушкой. Лёну, выходит, еще повезло, если он чистый эльф получился. А я вообще неизвестно что и сбоку бантик, или вовсе какой-нибудь хвостик, а то и рожки!

– Создания этой расы могут изменять внешне свои тела, копируя чужие по памяти единожды виденного, – помог мне с информацией Ивер, не дожидаясь вопроса.

А-а-а, точно! С запозданием в несколько секунд из-за странного произношения, по темечку тюкнула ассоциация: мет-а-мофи, то есть метаморфы! Теперь чуток яснее.

– Эй, а почему ты меня настоящему отцу не подкинула или своим родным, а в левый мир спихнула? – осенило меня еще одним актуальным вопросом. Может, меня из-за родства с этой красоткой враги-неприятности ждут?

Альтернативно-одаренная дамочка задумалась, прикусив губку, а потом пожала плечами и ляпнула то, что выглядело как откровенная глупость, но, если прикинуть хорошенько, таковой вовсе не казалась:

– Мне хотелось, чтобы у дочери был выбор пути.

Дядя некромант тем временем предупредил:

– Время призыва истекает, душу, отозванную с пути перерождений, на срок больший не след звать. Желаете ли ты иные вопросы задать, княгиня?

Я только головой покачала. Пустого любопытства к жизни этой чужой для меня женщины, пусть и сыгравшей в эпизоде рождения роль матери, у меня не было. Все важное для себя я вроде слышала. Спасибо уже за то, что не на помойке для создания ситуации с выбором кинула, а по своему разумению худо-бедно позаботилась и пристроила. Но ответить, где мне было бы лучше расти, я вот так с ходу не могла. Но зато точно знала: при всех прочих вариантах Лён никогда не смог бы стать моим братом. Уже за одно это ее решение умершей добавочное спасибо!

Если перевести на русский, без зауми и самоназваний, ориентируясь на нашу фэнтези-традицию, папа у меня был вампир, а мама метаморф. Интересная я зверушка получаюсь по комбинации генов. Еще бы разобраться, чем мне это грозит в перспективе и какие преимущества открывает. Внешность я явно менять не умею. Умела бы, глаза были бы побольше и цвета другого, а ресницы погуще, и вообще. Короче, какая девица не мечтает хоть иногда что-то в своей внешности подкорректировать? Ткните в нее пальцем, не поленюсь, схожу, плюну в лицо этой врушке.

Пока я рассуждала о своем генетическом наследстве, Ивер выдал повеление в смысле «ступай с миром, дух, по назначенному тебе пути» и сосредоточил свое внимание на

мне. Призрак беззвучно испарился.

– Непонятно, – прерывая несколько секунд молчания, выпалил Чейр. – О какой подмене идет речь, если Алира копия Гвенда с девичьим ликом?

– Теперь! Изначально ритуал маски придает ребенку обличье и частью повадки мнимых родителей, но чем ближе к совершеннолетию и осознанию своих сил, тем явственнее в чаде проступают истинные черты, – рассеянно пояснил Ивер.

– А как можно точно узнать, какие у меня есть силы, таланты, ну и все такое прочее, желательно по списку, – оживилась я, предвкушая очередное волшебное шоу со спецэффектами. – Вон, Чейр всех пугает и от этого кайф ловит, а я?

– В первую очередь скажи, Алира, о каких дарах сути своих ты ведаешь? – вернул мне подачу Ивер.

– Не знаю ни о каких, – пожала я плечами, ничего феноменального за собой не числя: паутину из ладоней нитями не выбрасывала, летать не умела, пироманией не страдала, мыслей не читала и не внушала. – А Гвенд что мог? Эти ваши дары по наследству передаются?

– Дары не наследуются, но линия сути может быть близка. Ригаль-эш Гвенд обладал властью обращать плоть в прах.

– Бр-р! Не-е, я такое точно перенять не захочу, лучше уж вообще бесталанной жить! – Меня слегка передернуло. Воображение хорошее не всегда во благо. А уж воспитанное на всяких классных ужастиках со спецэффектами, такое в го-

лове нарисовать может, что Спилберг отправится нервно перекуривать в уголке в компании с Квентином Тарантино!

– Я девочку из странного мира достал, магии в нем своей, считай, и нет вовсе. Немудрено, коль дары покуда спят, – раздумчиво обронил хвостатый. – Даже я там во сны скользнуть сразу не смог бы.

– Любой реш-кери обладает талантом, Алира, тем более ригаль-эш Киградеса! И талант соответствует внутренней сути, он не может быть противен носителю. Пока достанет и того, что тебя в полной мере принял Архет, – спокойно промолвил некромант.

Хранитель Ивер вообще выглядел очень спокойным. Практически на грани буддийского пох... пофигизма. Думаю, в его стрёмной профессии по-другому нельзя, чтобы не слететь с катушек и в какого-нибудь монстра-маньяка, одержимого жаждой собрать собственную армию Франкенштейнов, не превратиться. Классный дядька!

– А ничего, что я вообще не представляю, каково это – быть княгиней, всякое управление государством, экономику, политику в нужном объеме и в применении к вашему Киградесу не знаю? Теоретические знания моего мира уровня «студент без диплома» не в счет. Так что опыта ноль целых, хрен десятых, – пожалала я плечами, сразу расставляя точки на «ё», чтобы никто не обольщался не только насчет неведомых мистических талантов, но и практических навыков новоиспеченной княгини.

– Твои сомнения понятны, – участливо улыбнулся мне дяденька некромант. Коржики-пирожки, некромант и участливо – практически оксюморон. – Но не тревожься понапрасну. В свой срок все к тебе придет! Так заведено у ригаль-эш. Ваше наследие дремлет в крови до поры, пробуждаясь после принятия власти во всей ее полноте. Пока же знай: Киградесом правит Круг Князей. У великого князя Киградеса, ригаль-эш, равные права с иными князьями. Главный и решающий его голос лишь в делах мира, связанных с Архетом. И здесь ты руководишься лишь силой камня и его волей. Никто иной тебе не указ и никакое обучение тут на пользу не пойдет. Главное – уметь чувствовать артефакт.

– Гвенд вообще не посещал Круг, передав право голоса управляющему Нейссара, по слову родной крови, – вставил, как наябедничал, Чейр и для пущей наглядности еще и когтем в сторону Ивера ткнул.

О, бедолага-некромант у нас не только хранитель, а еще и управляющий. И швец, и жнец, и на дуде игрец. Интересно, он такой умный, что мозг аж черепную коробку распирает, или мой покойный папаша взвалил все на некроманта по одной самой банальной причине? Я про страх. Если тут, в Киградесе, людей, тьфу, реш-кери этой профессии инстинктивно побаиваются, то и с решениями спорить особо не должны, и интриги плести поостерегутся. Все-таки если тебя можно достать даже после жизни, и на саму жизнь, и на свои поступки, способные привести к печальному итогу,

будешь смотреть иначе.

Ивер же лишь укоризненно вздохнул. Небось, подумал, зачем подавать княгине столь неподходящий пример дурной безответственности! Или не хотел, чтобы на нем и после смелы власти продолжал висеть огромный мешок обязанностей. Тут уж ничем помочь пока не могу. Я пусть и с уникальным камнем-артефактом на шее, но про мир и его дела вообще не в курсе. Потому пусть еще порулит, меня потихоньку поучит, а там решим.

Бросить все и смыться домой как вариант действия я не рассматривала вообще после того, как на груди у меня появился Архет. Может, это и было не совсем нормально, но норма почти в любой сфере понятие относительное. Просто я теперь знала, как теореме Пифагора, что моя связь с артефактом и все к ней прилегающее – это навсегда и снять от этого «навсегда» некуда. Придется работать с тем, что есть.

– Ну ла-а-а-дно, хоть и жаль, что нет никакого способа быстренько определить, чего я такого, как реш-кери, делаю и делаю ли вообще, – цокнула я языком. – Может, я в категорию «любой реш-кери» не попадаю, вся в мамашу пошла?

– Ритуал чтения сути существует, – поправил меня по-прежнему мягко Ивер. – Если моя княгиня полагает дело столь неотложным, я проведу его.

– А в чем подвох? – справилась я, удивляясь, почему сам хранитель не рвется поскорее уточнить, в чем практическая

польза от княгини. Неужели так сложно и долго возиться с распознаванием? Куда сложнее, чем вызвать призрак на допрос? Это-то он играючи проделал, не вставая с кресла.

– Жертвоприношение. На алтарь ритуала некроманту надо положить семь жизней разумных. Я могу купить в одном из союзных миров рабов или ожидающих приговора преступников, но их доставка займет некоторый срок.

– Семь к одному? Круто! Запрос снимаю! Я не настолько нетерпелива.

Пришлось признать, что прибить почти десяток, даже десяток преступников, для удовлетворения собственного любопытства я не смогу и никому этого не передоверю. Не то чтобы избытком совести страдала, но как-то ни с того ни с сего кучу трупов организовать ради удовлетворения любопытства – не есть гуд.

– И так скоро поймешь. Как голод сути ощутишь и его насытишь, – почти отмахнулся Чейр, опять имея в виду что-то элементарное не только для себя, а и для всех вокруг.

Ну и ладно, сказал пойму – значит, пойму. А пока я лишь зевнула и спросила:

– Мне, конечно, все очень-очень интересно про Киградес и про прочее, но почему-то спать хочется. Наверное, потому что в моем мире уже глубокая ночь.

– В Киградесе тоже, – многозначительно кивнул на окно Чейр. Пусть луны светили ярко, и видно вокруг было неплохо, но знакомство с исторической родиной я лучше продол-

жу завтра при свете утра и днем. Ночные экскурсии – это, может, романтично, но ничуть не практично. При свете дня все видится иначе.

Вот только...

– Эй, а когда я смогу сходить повидаться с братом? – опомнилась я, испытывая чувство вины. Вот же хрюшка, Лён там, небось, уже всех на уши поднял, меня разыскивая. Все дворы обежал, друзей-приятелей обзвонил, а я тут спиритизм практикую.

– Разве ты не видела его в усыпальнице? – слегка удивился Ивер то ли вопиющей невнимательности, то ли такому рьяному стремлению попрощаться еще разок с незнакомым покойником.

– Я про Лёна, то есть Леонида, моего брата, которого призрак эльфом обозвал, – поправилась я и упрямо продолжила: – Плевать, что по крови мы разные, он мой настоящий брат, куда более настоящий, чем тот труп из склепа.

– У рещ-кери и эльфов мало общих граней, – не остался доволен моим ответом некромант.

– Все течет, все меняется, – пожала я плечами. – Раньше не было, но вдруг возникнут на дружеской-то и родственной основе?

– Я не могу судить о твоей ситуации, Алира, но мне приходилось иметь дело с лоэ-диэль. В большинстве своем они крайне нетерпимые к иным расам создания. С Киградесом у Дивнолесья прохладные, хоть и союзнические отношения, –

отметил Ивер, соединяя подушечки пальцев перед грудью, и тень недобрых воспоминаний скользнула по спокойному лицу мужчины.

Вот уж, небось, нервы у него, как канаты из титана, если такая сложная профессия. Ну или, если мы в фэнтези, то из мифрила или этого... как его, о, вспомнила – адамантия!

– Ну... конечно, у тебя лично прохладные. Ты ведь некромант, а они позиционируются как любители жизни, профессионалов по части мертвого материала по определению жаловать не обязаны, – я охотно признала очевидное, вообще удивляясь тому, что вампиры с эльфами, оказывается, тут союзники. Интересно, против кого дружат? Или чем важным друг для друга торгуют?

– Пожалуй, я окажу княгине услугу, отведу ее повидать того, кого она считает братом. Завтра. Мне надо восстановиться после экскурсии по княжескому замку, – неожиданно вступился Чейр.

В аттракцион благотворительности я не особо поверила, скорее всего, хвостатому и самому интересно стало глянуть на эльфа, ставшего братом реш-кери. Охотник же говорил, что любит, когда весело. Вот и нашел себе развлечение, к моей выгоде.

– Будь по-вашему, – неодобрительно покачал головой дядя некромант и потер шею в задумчивости, оставляя на светлой коже бледно-синие чернильные полосы.

Припомнив, как мы ковыляли, рискуя остаться в виде

бефстроганов на плитах пустого замка, я сразу согласилась дать проводнику время на отдых. Мне и самой не помешает. Поестъ поела, но не худо было бы еще искупнуться и переодеться. А то я потная, местами пыльная, и вообще информационный шок у меня после всего этого!

– Спасибо, а где тут можно умыться? – переходя от размышлений к конкретике, вежливо уточнила я. – Вам, кстати, тоже не помешало бы.

Я похлопала по своей шее в том самом месте, где дяденька пятнышки себе оставил. Тот быстренько шагнул к одному из шкафов с застекленной полкой и досадливо поморщился, разглядев полоски на шее.

– Это твой замок и покои князя отныне твои, – первым на мой вопрос ответил Чейр.

Я задумчиво нахмурилась. Это мне что предлагают? Нет, может, охотнику и некроманту пофиг, что мне в вещах покойника шарить придется, но я-то на мерзкое звание мародера не претендую.

– Гвенд почти не жил в Нейссаре, предпочитая замок Киградес, так принято у ригаль-эш, – подметив мое состояние, пояснил Ивер, избавившись от чернил на шее при помощи платка из рукава, без всякой магии. – Покои чисты. Конечно, их делали под мужчину-князя, потому ты вольна изменить все по своему вкусу.

– А, тогда хорошо, – закивала я и снова сцедила зевок в ладошку.

– Покуда, Алира, в замке лишь минимум слуг, но позаботиться о тебе нам по силам. Завтра же я увеличу штат, – продолжил информировать меня некромант.

«Надеюсь, за счет живых?» – мысленно уточнила я и подскочила с кресла, готовая идти туда, куда провожают.

Глава 8. Ночная и модная

Ванна перед сном – моя слабость. Не душ, а именно ванна. Могу валяться там столько, что Лён принимается долбить в дверь и орать насчет русалочьего хвоста и обещает перекрыть холодную воду, чтобы на деле проверить, что получится, если сварить меня-русалку: мясной суп или уха.

Братец тоже купаться обожает, а все остальные в нашей семье считают нормой мытьё один раз в неделю. Ладно хоть нас с Лёном не пытались на свой лад перекроить. Нет, когда совсем маленькими были – пытались, а потом махнули рукой, поставив диагноз – неизлечимые гидроманьяки!

Хвостатый, кстати, поперся к покоям князя с нами. Ему пообещали апартаменты рядом, как защитнику и спутнику. И что занятно, морду лица при этих словах Чейр даже не скривил. Принял всерьез свой долг. Или это Архет так околдовал его, то бишь переформатировал мозг? Не, не хотелось бы. Одно дело спутники, соратники, друзья-приятели, второе местный аналог живых зомби, у которых не осталось своего мнения. Хотя язвить и решать самостоятельно хвостатый вроде как способен, в покорного раба-пешку его Архет не превратил. Может, и впрямь только нужные узы, вроде экстренно созданных приятельских, сотворил и этим ограничился? Тогда пойдет!

Долго блуждать по замку номер два, в отличие от кори-

доров и двора в замке номер раз (Киградесе), нам не пришлось. И даже пяток живых людей на глаза попался. Явно специально приперлись, чтобы поглазеть. Хлеба и зрелищ – лозунг на все времена и пространства!

Дверь двустворчатая, пусть створки и были невелики, в тепер уже мои покои была открыта, как и дверь в спальню. Там две тетушки проворно меняли белье на громадной массивной кровати. Назвать такую траходромом было бы пошлостью, скорее следовало торжественно именовать царским, то есть ригаль-эшским ложем.

И вообще комнаты, обставленные темной мебелью с металлическими накладками, то ли под темное серебро, то ли из настоящего серебра, и оформленные в сине-зеленых, коричневых и бежевых тонах, мне понравились. Тут было не уютно-миленько, а надежно и основательно.

– Пока ничего не надо менять, основное мне нравится, – проинформировала я дядюшку некроманта. – Спасибо, Ивер!

– Спокойного отдыха, Алира, завтра мы продолжим беседу. – То ли пообещал, то ли пригрозил некромант и тактично удалился, прихватив заодно и парочку тетушек, закончивших со сменой белья и раскладкой чего-то еще, то ли бельевого, то ли одежного на кровати. Тетушки удалялись едва ли не на полусогнутых, бормоча что-то почтительное, но крайне неразборчивое. Я смогла однозначно расшифровать только свой нынешний титул «ригаль-эш».

Чейр не ушел в обещанные апартаменты. Уселся в кресло в первой комнате, обставленной то ли как гостиная, то ли как приемная, и постановил, водружая ноги на низкий столик:

– Буду здесь. Если что, кричи!

– Угу, – кивнула я и, как зачарованная, пошла на шум воды. Лишь краем сознания слегка удивилась тому, что хвостатый прекратил со мной заигрывать и больше не распускает руки. Тоже Архет старается или все-таки Чейру не чуждо понятие субординации? Или он и сам устал так, что едва ноги таскает и сил ни на что иное, в том числе сексуальные домогательства, банально нет? Все может быть, но я подумаю об этом завтра, а пока мыться и спать!

Ванна из темно-зеленого с белыми прожилками камня, вмурованная в пол до половины, размером оказалась с кухню в прежней квартире на Земле. И она уже на две трети была полна воды. Хорошо теплой, ждущей утомленное тело воды. Каменная приступочка с флаконами и мочалками (от жестких, как щетина, до нежнейших пуховок) тоже нашлась. После осмотра обнаружился даже душ. При нажатии на один из пазов в ванной, рядом с бортиком и полукруглыми ступеньками, создавалась струя, интенсивность и температура которой регулировались силой нажима.

Раздевалась я быстрее пожарных, но амулет снять не смогла. Он остался на теле, просочившись сквозь ткань футболки. Кажется, Архет пока был не расположен расставаться со мной ни на секундочку. Наверное, окончательная настройка

программного обеспечения под нового пользователя с правами админа еще не была завершена. Пришлось забить на попытки временно избавиться от бесценного артефакта. Каши не просит, кровавых жертвоприношений тоже, в волосах не путается, невинно висит! Ну и пусть висит!

Я выкупалась, вымыла голову и закуталась в нечто среднее между халатом и полотенцем. Рукава имелись, пояса нет, это был просто широченный прямоугольник ткани, замечательно впитывающий влагу. На ноги нацепила вместо кроссовок какие-то белые (надеюсь, это не намек?) тапочки без задников и пошла в спальню.

Пока шла, тело обсохло полностью, голова осталась лишь чуть влажной. Ровно настолько, чтобы с бешеной моей гривой попыталась справиться обнаруженная на тумбе у кровати щетка. Совершенно новая щетка, ничьих волос, царапин и тому подобного на вещи не было.

Я расчесалась, порой морщась от боли при попытке разобрать очередной морской узел хитроумно запутавшихся прядей, и удивленно покачала высохшей головой. Волосы легли так, будто мне укладку пару часов делал парикмахер. На щетке не осталось ни единого волоска. То ли они не вычесывались, а благодаря щетке вновь к голове прирастали, что сомнительно, то ли аннигилировали по мере вычесывания. В любом случае – класс! Еще бы полное обезболивание при распутывании включалось. Но чудес, увы, не бывает, лишь, как мне тут объяснили и продемонстрировали, магия.

Почесав плечо через полотенце-халат, я задумчиво обозрела разложенные на кровати вещи. Совершенно белые штаны, рубаху с рукавами до пола, длинную ночнушку, безразмерные трусы модели «прощай дедушкина молодость». Больше всего эти одежды походили на смирительные рубашки для буйных, но немножко модных психов. Растерянно покрутив в пальцах штаны, я ойкнула. Они почему-то будто липли к рукам.

– Проблемы? – заставил меня вздрогнуть голос Чейра, буквально проявившегося у дверей. Вот никого нет, и вот он уже здесь, нарисовался, не сотрешь.

– Слушай, я, конечно, ни на что особое не претендую, все-таки ночь и смена власти слишком внезапно случилась. Но, если тут ничего нового, кроме одежды для буйных сумасшедших нет, я готова походить в чем-нибудь из гардероба папаши Гвенда. Вряд ли он был вшивым или чесоточным. А что великовато – подверну. На ночь сойдет! Где покопаться можно?

Чейр мигом сменил выражение невозмутимой бдительности на совсем другое. Короче говоря, этот хвостатый гад сложился буквально пополам и беспардонно заржал, метя волосами ценный паркет спальни.

– Ты давай, расскажи, чему радуешься! Я тоже хочу свою долю позитива!

Отсмеявшись, охотник ткнул серебряным когтем в кучку вещей на кровати и объяснил:

– Эти одежды из бесценной ткани шеро-кри. Ее творят из паутины в пещерах Дро-сувар.

– И?.. – я не поняла, какое отношение к моему вопросу имеет диковинное происхождение ткани из мира, кажется, дроу.

– Поначалу любая вещь из шеро-кри – лишь заготовка под нужную форму. Только оказавшись на теле, она приобретает цвет, размер, детали фасона сообразно с желаниями и вкусом владельца, – расщедрился на более развернутое объяснение хвостатый.

– То есть тут лежит не пижама, платье и белье, а лишь прообраз этих вещей? – я попыталась осмыслить сказанное.

– Воистину, княгиня, смело одевайся, пробуй. Я даже, – тут Чейр позволил себе призрак прежней сальной ухмылочки, – отвернусь.

– Казнить тебя, что ли, за устное глумление над честью и достоинством единственного представителя правящего дома Киградеса? – задумалась я, решительно скидывая халат и переодеваясь в «макет» пижамы.

– Меня нельзя казнить, – проникновенно посочувствовал моим желаниям таки отвернувшийся Чейр. – Кто же тебя завтра к брату отведет?

– Ладно, казню послезавтра, – сдвинула я график кар и заткнулась, уставившись на отражение в напольном зеркале.

Безразмерная белая пижамница стремительно меняла конфигурацию и цвет, становясь отдаленно похожей на модель-

ку, как-то виденную мной у девчонок в журнальчике. Его листали на паре по философии, и даже этот тупой глянец казался мне предпочтительнее завываний заикающегося старичка, так что косилась. Короче, в той пижамке мне понравилось почти все, кроме ценника.

Чейр повернулся и присвистнул, оценивая результат. Короткие широкие шортики и топик на бретельках. Черно-красные ткань и кружево. Симпатично и даже, пожалуй, эротично.

– М-да, княгиня, пожалуй, у тебя не будет недостатка в фаворитах, – прокомментировал хвостатый, разглядывая уже не меня, а свой маникюр. Прикидывал, как будет фаворитов расчленять и закапывать, чтобы не отрывали меня от дел государственных?

– Увы, придется обойтись пока без мальчиков по вызову, бюджет не резиновый, – огрызнулась я и, скинув остальные не воплощенные модели на кресло, с разгона упала поверх одеяла. Раскинувшись звездой, издала блаженный стон: – Кроватька, я люблю тебя!

Проворчав что-то неразборчивое, Чейр мотнул хвостом и вышел из спальни. А я подгробла поближе подушку, зарылась в одеяло и заснула. Архет, кстати, ничуть не мешался, не кололся и жестким не был. Словно вообще из материального стал энергетическим. Ура! Терпеть не могу, когда мешают спать, даже если это крошки в кровати колются, вся извожусь и изворочаюсь.

Лён надо мной по этому поводу не раз прикалывался. Настоящей принцессой из сказки обзывал и грозился подкинуть под матрац горошину. На деле, конечно, никаких подозрительных предметов не пихал. Даже помогал вытряхивать белье, когда на моей кровати братишка Данька как-то раз сладкую булку слопал и липкими крошками с сахаром засеял весь периметр.

Ни вещей снов, ни красивых кандидатов на пост фаворита мне не снилось. Я видела почему-то только бесконечные сплетения дорог и переходов многих миров, над которыми парила. Парила, почему-то не имея тела и в то же время твердо осознавая, что даже такая бестелесная я имею при себе Архет и могу не только созерцать, а еще и творить те самые дороги, которые вижу под собой, менять уже сотворенные и убирать их, если пожелаю. Причем я не только видела, а еще и четко понимала, какие пути-дороги, переходы-порталы надо убрать, какие продолжить, где сузить, где расширить, где преграды поставить, чтоб только избранные пользоваться могли. Эдакое занимательное сноконструирование получалось, и я им, черт побери, почему-то от всей души наслаждалась, хотя никогда за собой тяги к подобным играм не знала.

Глава 9. Утро добрым не бывает?

Утро добрым не бывает! Истина вне времени и пространства! Доказательством сего прозвучал отвратительно бодрый голос Чейра, раздавшийся от двери:

– Княгиня Алира, поднимайся, завтрак доставлен. Ты хотела повидать названного брата.

– Хотеть повидать и вскакивать ни свет ни заря – две большие ра-а-а-зницы, – я жалобно зевнула, вцепившись в подушку. – Ты ж вроде вампир, так какого рожна вскакиваешь в такую рань, как какой-нибудь эльф рассветный!

– Княгиня, реш-кери не ночные твари, – весело уколол меня Чейр. – В темноте порой хороша бывает охота, но и свет утра несет немало выгод. В первую очередь именно в эту пору никто не ждет удара!

– Чего ты такой довольный, уже, что ли, поохотился? – я приподняла голову от подушки и приоткрыла глаз. Пока один. Второй открываться ни в какую не желал. Да и первый, отчаянно завидуя второму, тоже хотел закрыться еще часика на два.

– О да, охота была превосходна. Обожаю чужой страх, растекающийся вином и огнем в крови. Живые так уязвимы в сновидениях, где я хозяин, даже самые могучие из героев, – почти промурлыкал хвостатый и облизнулся.

– Хорошо устроился: и спишь, и ешь, и развлекаешься од-

новременно, – оценила я позицию вампира, поглощающего эманации ужаса жертв, не покидая кресла. Читать ему мораль, обвиняя в садизме, не стала. Толку? Льва ягненком не сделаешь, как ни пытайся. И вообще я удивительно спокойно к заявлению охотника отнеслась, как к сводке погоды. Кажется, после ухода из мира, где росла, у меня что-то в голове перемкнуло. Или Архет постарался? Словом, почему-то убеждать Чейра срочно сесть на диету и никого до заикания и сердечных приступов не пугать, а пугать лишь до мурашек по коже, я не стала. Напротив, чуток просыпаясь, полюбопытствовала: – А у тебя какой радиус действия?

– Что? – переспросил озадаченный охотник.

– Я так понимаю, ты заснул здесь неподалеку, чтобы прошвырнуться по чужим снам и сделать их кошмарами, – постаралась пояснить я суть вопроса. – И насколько близко к тебе должны спать те, кто станет пищей?

– В Киградесе мне подвластны сети, раскинутые сквозь границы пяти-семи миров, – самодовольно осклабился Чейр, снова любуясь своими серебряными когтями. – В иных мирах я могу вести охоту лишь в пределах мира.

– Выгодный у тебя талант, и сыт без отрыва от просмотра сновидений, и выглядишь, как картинка из темной фэнтези, нигде не помялся, не растрепался за ночь, – искренне позавидовала я, прекрасно представляя, на кого, вернее даже, на что похожа сама. Как там вчера было: не вещь, а модель вещи из шеро-кри? Так вот, я до встречи с расческой – нату-

ральная модель гигантского чернобыльского одуванчика.

– Княгиня, не печалься, – самодовольно мурлыкнул Чейр, явно наслаждаясь моими словами и собственным охрененным видом, отражающимся в напольном зеркале, – одеяния шеро-кри длительно хранят свежесть и чистоту. Что до волос, то и твои, когда спадет окончательно маска, наведенная мет-а-мофи, будут покорны твоей воле. Ни один волос не выпадет и не запутается случайно.

– Хотелось бы, – мечтательно вздохнула я о восхитительной перспективе. До смерти надоело уже сражаться с собственной шевелюрой.

Кстати, снова о маске. Может, это из-за нее, вернее, из-за ее отсутствия я вчера не вычесала ни единой волосинки и ни разу себя не дернула так, чтобы взвыть. Только морщилась временами, что уже для меня великое достижение! Глупые попаданцы, мечтающие о мистических силах и богатствах, не знают, не ведают они, какой это кайф – просто расчесать волосы без сильной боли.

Тут я нахмурилась. В голове завертелись кое-какие дополнительные соображения насчет маски. Касались они вовсе не банальной особенности сохранения прически. Сдается мне, мамаша своими прятками наследницы от папаши психику дочурки изрядно искажила, если не поломала напрочь. Потому что совсем иначе я себя ощущать начинаю. Вернее, начала со вчерашнего дня, как Чейр меня отыскал и утащил, не спросив разрешения. И с каждым часом все страньше и

страньше становлюсь. Про вкусы охотника и отношение к особенностям диеты уже для себя отметила. Исподволь, не особо заметно, но то, что раньше у меня могло вызвать оторопь и отторжение, сейчас я воспринимала как само собой разумеющееся. Чего дальше ждать? Надеюсь, кровь прямо из горла жертв меня не потянет пить? А? Или предварительно в бокальчик покрасивее нацедить захочу для эстетики процесса? Фу? Фу! Не-е-е! Уф, пока вроде желания нет. На душе немного полегчало. Меняюсь, но планка не упала, и то хлеб! Надеюсь, система Окон Овертона здешнего общества мне ее не сдвинет непоправимо? А то эти нормы они такие плавающие при определенных условиях, что жуть берет. Читала, знаю.

– Я призову тебе горничных? – небрежно уточнил охотник.

– Зачем? – я аж окончательно проснулась от удивления и вынырнула из омута самоанализа. – До ванной дорогу точно найду. Настолько, чтоб заблудиться, топографическим кретинизмом не страдаю, и оденусь тоже сама. Терпеть не могу, когда меня хватают посторонние. Вот если что-то такое напяливать придется, с чем в две руки и с помощью зеркала никак, тогда зубы стисну и снесу. Но все время терпеть рядом с собой каких-то чужих теток – ни за что! – Меня всю аж передернуло.

– Возможно, твое неприятие чужих касаний связано с дремлющей силой, близкой к таланту Гвенда. Реш-кери спо-

собны сдерживать свой талант от произвольного проявления, но в пору становления он может прорываться помимо воли и желания. Через контакт плоти – самый простой путь, – чуть прищутив глаза цвета темной-темной вишни, прикинул охотник.

Я лишь плечами пожала: мне-то откуда знать такое? Логические рассуждения не помогут найти верный ответ. Тут знать и испытывать надо, а не гадать на кофейной гуще.

Чуть склонив набок голову, Чейр попытался прощупать границы моего психоза:

– А меня ты готова близко терпеть?

Вот тут уже настал мой черед крепко задумываться. Покрутив идею так и эдак, я с удивлением признала:

– Одеваться, конечно, сама буду, но, знаешь, готова. Ты меня не раздражаешь. Каким-то чудом ухитрился пройти фильтр «свой-чужой» за минимальный срок. Наверное, угроза совместной шинковки сильно сближает. Окончательно слиться в виде фарша нам оказалось не суждено, но так, по отдельности, мне значительно больше нравится.

Чейр на этот мой пассаж расхохотался и, приложив руку к сердцу, простонал тоном опытного соблазнителя:

– Моя княгиня, я покорён!

– Ага, я тебя тоже уже обожаю, особенно хвост! – с зевком поддакнула я, выбираясь-таки из кровати.

– А почему хвост? – заинтересовался подробностями предпочтений охотник, не забывая косить одобрительно на

мою классную пижамку. Ладно, смотрит и смотрит, за просмотр денег не берет. Только руки пусть при себе держит. Он хоть и не раздражает, но смущает.

– Хвост, потому что бзик у меня такой, то есть фетиш. Мужские прически из белых длинных волос. Я даже в играх всегда себе таких персов конструировала. И вообще, Элрик из Мельнибонэ со своим мечом Повелителем Бурь был одним из моих детских кумиров. В старом шкафу на даче книжку откопала и залипла на картинку.

– Не слышал о таком. Эльф? – пренебрежительно фыркнул Чейр. Охотник явно не испытывал к расе остроухих союзников особого уважения.

– Элрик-то? – на секунду-другую я призадумалась, приостанавливая путешествие до ванной. – Вроде нет, автор на расе не акцентировал внимание. Альбинос, потомок древней расы колдунов с дурными замашками, носитель меча, пожирающего души.

– Хороший кумир, в духе реш-кери, – одобрил охотник, снова возвращаясь в кресло и являя собой образец вежливого ожидания. Даже галантно успел предупредить: – Коль ты отказалась от горничных, я распоряджусь, чтобы завтрак подали в покои.

– Вау, меня еще и накормят прямо тут! Не только покушения с расчлененкой, но и еда! Полный пансион, однако! – восхитилась я и отправилась просыпаться под струями теплой воды. На прохладную силы воли никогда не хватало. За-

калка – это не мое!

Когда я пришла к накрытому в покоях столу и увидела меню, то поняла – некоторые продуктовые гадости имеют универсальное значение и масштаб их распространения не ограничивается старушкой Землей. На столе стояла красивая фарфоровая, вся такая изысканно-полупрозрачная кружка с кипяченым молоком! Буэ! Там даже пенка, большая, жирная желтая пенка плавала с краю.

– Одно из двух: или меня желают травануть, или мы с решери находимся на разных гастрономических полюсах! – зашипела я, отшатываясь от стола.

– Хм, – Чейр, заинтригованный моей реакцией, сунулся к столу. – Ты так не любишь кашу?

– Каша – это необходимое зло во имя здоровья желудка. Но молоко с пенками – это вообще за гранью добра и зла! – взвыла я, отодвигая мерзость на самый дальний край стола. Искушение открыть окно и вылить было велико, но от вандализма удержалась. Я еще не настолько ненавижу своих подданных! Они мне пока ничего не сделали. Вдруг попаду по закону Мерфи?

– Ты тоже не любишь? – довольно уточнил Чейр.

– Не-на-ви-жу! – по слогам отчеканила я и вынужденно подпихнула к себе тарелку с кашей. Вот что толку быть вампиром, если меню привлекательнее не становится?! Где, спрашивается, справедливость?

– Тогда пей вайс, – посоветовал охотник, присел рядом

и даже поухаживал. Налил из пузатого кувшина темно-красного напитка, протянул с вежливым наклоном головы. В нос ударил знакомый аромат кофе с нотками корицы.

Я взяла темный бокал. Да-а-а, как кофе пахла эта странная, красная, будто каркаде, жидкость. Осторожно омочила кончик языка. И замерла, оценивая впечатления. На вкус это не был кофе, это был кофе с корицей, сахаром, но без привычной кислинки и горечи.

– Ого! – я с наслаждением сделала несколько глотков, чувствуя, как по венам растекается тепло и искорки энергии. – У меня появился любимый напиток! С ним даже кашу можно схоямчить, не напрягаясь!

Налив себе вайса в другой бокал, Чейр довольно кивнул. Кажется, у нас будет собственный маленький клуб ненавистников кипяченого молока и любителей вайса по совместительству.

А каша... Эх, это зло нужное. На вкус, хоть и бледно-зеленого цвета, натуральная, чуть подслащенная овсянка. Так что можно зажмурить один глаз и есть под девизом «зато очень полезно для организма».

И я ела. Глядя на мое мужественное сражение, даже Чейр присоединился к поглощению завтрака. Мы мирно делили трапезу, пока не пришел дядя Ивер.

Нет, он вовсе не заставил нас подавиться. Даже пожелал доброго утра. По реш-кери это звучало интересно: яркого восхода, светлого полдня и закатного пожара. То есть, как я

поняла, отличного дня в комплексе, от восхода до самого заката. Поздоровавшись, Ивер, чуть смущенно кашлянув, сказал:

– Алира, я хотел попросить тебя не снимать с себя Архет по крайней мере еще несколько дней. Артефакт пока подстраивается под нового носителя, не должен с ним разлучаться надолго.

– Даже если бы хотела, не сняла бы, дядя Ивер. Он не снимается в принципе, вне зависимости от моих попыток. Вчера перед ванной пробовала, – растерянно пожала я плечами, припоминая свои вчерашние эксперименты с раздеванием.

– Хм, – почему-то смутился от моих слов некромант. Эдак машинально подцепил на краю стола кружку с кипяченым молоком и выдул его залпом с явным удовольствием.

– Глянь, Чейр, теперь мы точно знаем, у кого самая вредная работа. У дяди Ивера! Молоко за вредность не только выдается, а еще и пьется с удовольствием! – выпалила я, пораженная тем, что эту жидкость можно не только пить без рвотных позывов, а еще и наслаждаться процессом поглощения.

– Как ты меня назвала? – вот теперь некромант совсем растерялся.

– Дядя Ивер, – снова повторила я. – Извини, я пока здешних этикетных обращений не знаю, вот и ляпаю. Обидела?

– Н-нет, – качнул головой мужчина. – Просто странно слышать. Я последний в роду, и давно уже никто не обра-

щался ко мне как к родственнику. Хотя да, по линии Гвенда у нас есть общие корни.

– Ты же хранитель, то есть вроде как практически регент, пусть и без близкого кровного родства, но дела-то Киградеса, а значит, мои, везешь на своем горбу, и за замок Нейссар тоже отвечаешь. Вот и легло на язык, – я развела руками.

– К мужчинам обращаются – креш, к женщинам – криш, добавляя имя. Если говоришь с тем, кто несравнимо выше тебя, то прибавляешь приставку ри, если неизмеримо ниже – ро, – небрежно проинструктировал меня Чейр, поигрывая почти пустым бокалом с вайсом. – Но эти правила лишь для официальных приемов. Обычно имени и должности бывает достаточно. Скажем, хранитель Ивер, охотник Чейр.

– Можешь и дальше звать меня дядей, Алира, – торопливо вставил некромант, будто не хотел, чтобы отныне и навсегда к нему обращались креш или даже давно опостылевшим ри-креш Ивер.

– Спасибо, дядюшка, – улыбнулась я и не выдержала. Выскочила из-за стола, обняла смущенного мужчину, звонко чмокнула его в щеку и еще разок обняла, удивляясь самой себе. Никогда меня особо не тянуло на обнимашки, тем паче с едва знакомыми, а тут вдруг накрыло странным порывом. Но кое-кто удивился поболее меня, и вовсе не Чейр.

Ивер замер, будто его паралич разбил в вертикальной позиции, а потом как-то неуверенно обнял меня в ответ и осторожно уточнил:

– Тебе не неприятно, Алира?

– С чего бы? Ты теплый, чуткий и от тебя хорошо пахнет, дядюшка. Чем-то мятным и сосной, кажется. Так почему мне должно быть неприятно? – я заглянула в растерянное лицо Ивера и погладила его по гладкой щеке. – Если ты чего-то нехорошее про свою профессию думаешь, живо брось! Ты же сам говорил, что склонность эта врожденная. Я в Киградесе всего день, зато пользу уже от нее видела и немалую. Что до того, что тебя в массе своей боятся – может, и обидно малость, зато как удобно. Дисциплинирует. У нас когда-то говорил один умный бандит: «Доброе слово и пистолетом можно сделать куда больше, чем просто добрым словом!» Так что ты как пистолет. Или, в наших реалиях, опасная магия, которая здорово помогает государству в целом и мне в частности. А если кому не нравится – пусть молчит в тряпочку. Всем нравятся только халявные деньги, а ты не они, потому не обязан!

Чейр, похихикивая, слушал мой спич в защиту некромантии в целом и одного ее конкретного представителя в частности. Он-то Ивера вообще не боялся или не выказывал страха. Впрочем, он и шинковки в туманном киселе Киградеса не страшился, маньяк адреналиновый. Дядюшка же внимал почти растроганно.

Он объяснил, что большая часть разумных созданий, в том числе и реш-кери, испытывает перед некромантами безотчетный инстинктивный ужас, с трудом контролируемый

разумом. Потому отсутствие страха с моей стороны – это замечательно. Ивер отпустил нас в дорогу практически с отеческим благословением и даже (он голова, а я натуральная обормотка) выдал нехилый такой мешочек с золотом и драгоценными камешками в качестве компенсации моей приемной семье, утратившей дочь.

Насчет притаскивания Лёньки в Киградес я пока вопрос не вентилировала. Для начала надо было с братом все обсудить, а потом уж решать вместе. Он всегда ненавидел, когда решали за него и для него. А больше всего тогда, когда объясняли, что так для него будет лучше. Но если захочет – приведу, и плевать, если это кому-то не понравится! Брат он мне или не брат?!

Переодеваться в свои пропыленные джинсы я не стала. Та одежда из загадочной ткани, принявшей форму под влиянием мысли, вполне себе соответствовала хорошему брючному костюму. От искушения заказать себе крутой костюмчик, как у Чейра – кожа и кружево, – меня удержали только соображения комфорта. Вдруг будет жарковато? Тепло люблю, потеть ненавижу! Ну и еще не хотелось банально обезьянничать.

Подхватив меня под руку, охотник галантно предложил:
– Веди, ригаль-эш, пусть Архет проложит должный путь!

Глава 10. Вернуться и вернуть, или Чем мой брат не принц эльфийский?

Признаться, я думала, что Чейр меня переправит так же, как утаскивал, как-то сам. Чик! И готово! Но предложение использовать артефакт почему-то показалось логичным и очень правильным. И... я не думала о том, как делаю то, что делаю. Только положила ладонь на кристалл и шагнула, чтобы оказаться в своей квартире. В прихожей.

Быстрый взгляд в окно на солнышко показал, что сейчас вторая половина дня. Вот только которого? Следующего за вчерашним? Или тут год-два-три, или даже десять промелькнуть успело? Я про всякое читала. Но тут из комнаты, которую Лён делил с младшим братишкой, послышался шум. Не то что-то упало, не то (и, судя по грохоту, куда более вероятно) что-то куда-то со злости швырнули.

Чейр насторожился, а я позвала:

– Лён, это ты погром устраиваешь?

– Лирка! – спустя секунду благим матом заорал брат.

Вылетев из комнаты, он помчался ко мне с совершенно безумными глазами. Крепко-крепко обхватив меня, Лён забормотал, буквально захлебываясь словами:

– Ты вернулась, вернулась! Живая! Я не свихнулся! Ты

есть!

– Лён, ау, а куда же я могла аннигилировать? – я малость опешила от столь бурной встречи. Осторожно покосилась на календарь, украшавший стенку в коридоре. Нет, все нормально, меня не было всего один день, а не тридцать лет и три года. Чего же брат так убивается и ребра мне ломает? Мы, конечно, любим друг друга, но чтобы так реагировать, повод должен быть веским.

– Думал, рехнусь! Или уже рехнулся! – в ответ пробормотал Лён, уткнувшись носом мне в волосы и отчаянно зажмурившись. – Ты не вернулась вечером, номер вне зоны доступа. Погнал искать. Все дворы обшарил – пусто; паре твоих девчонок с курса звякнул. Не дозвонился! Собрался уж в ментовку бежать, но для начала снова домой сунулся. Мало ли? С порога у мамки спросил, не приходила ли, а она... Лирка, она вообще, походу, свихнулась с батяней заодно. Они мне брякнули, что ты в младенчестве померла. И дверь в твою комнату поначалу не открывалась, потом вообще со стеной слилась и пропала.

– Ох ты ж, коржики-пирожки! – пораженно выпалила я, повернув голову в другую сторону. И точно, двери в мою берлогу не было. Сплошная стена с обоями под каменную кладку.

– Это все упавшая маска. Следы исчезают. Ивер, пока ты спала, мне рассказывал, как должно быть, – вкрадчиво пояснил Чейр, вступая в беседу. – Лишь благодаря Архету ты

смогла пройти сюда, куда путь отныне под запретом.

Хвостатый сказал и малость напрягся. Может, ждал от меня истерики или скандала? А вот фигу ему, Архет приятно грел грудь, подтверждая и утверждая правоту жестоких слов. Так чего истерить? Все так, как надо, а если это с моим представлением о «надо» не согласуется, значит, что? Значит, следует менять представление. Подогнать под свои хотелки реальность не выйдет. Да и нет больше на это моего желания. Не теперь, после того, где я была, что видела, о чем узнала.

Братец, похоже, так не думал, он вскинулся и резко развернулся к охотнику. Будто только сейчас его заметил. А может, и впрямь так? Мало ли какие крутые фишки у хвостатого в загашнике имеются?

Ленька сузил враз потемневшие до мшисто-зеленого глаза. У него такой взгляд перед дракой бывает. Потому пришлось быстро начать объяснения:

– Лён, вчера куча всего случилась. Это Чейр, он увел меня на родину и сегодня сюда сопровождает... – начала я было рассказ, потом осеклась и выпалила телеграфно, чтоб побыстрее дошло: – Мы с тобой приемные. Из других миров, от других родителей. Меня тут от папаши настоящего прятали. Только недавно он умер, а меня, как наследницу, потащили дела принимать. Я – реш-кери, разновидность вампира по классификации родного мира Киградеса, а ты вроде как эльф. Я вернулась, чтобы тебе все рассказать и решить,

как нам дальше быть.

Лён отступил на полшага, чтобы видеть охотника и меня заодно, нахмурился недоверчиво:

– Оба из разных миров в одной семье? Снаряд в одну воронку два раза?

– В этом мире слишком мало магии, подобное стремится к подобному, – проронил охотник. – Мать Алиры неосознанно последовала за огоньком чар, наложенных на тебя, эльф.

И продолжил объяснения:

– На вас были наложены маски-облики тех человеческих детей, вместо которых вы жили. Когда Алира ушла, ее маска начала трескаться и исчезать. Она принимает свой истинный вид.

– Так вот чего у тебя волосы чуток длиннее и темнее стали, – растерянно моргнул братец и шевельнул ухом.

Я только сейчас заметила – пока мы говорили, у Лёна волосы посветлели с каштаново-золотистого до цвета бледного золота и подросли. Уже ниже плеч были, да и не только волосы подросли. Сквозь кудри остроконечные ушки явственно проглядывали.

– Ого, а у тебя уши в рост пошли! – я не удержалась и со смешком чуть-чуть дернула братца за самый кончик. Всегда хотела потрогать настоящие эльфийские уши!

Лён снова забавно трепетнул ушами и подскочил к зеркалу, уставившись на свое отражение как замороженный. Только что руку не потянул, чтобы контуры обвести.

– Твоя маска, эльф, тоже падает, – прокомментировал само собой разумеющийся процесс Чейр.

– И чего, теперь дверь уже в его комнату замуруется, а родители будут помнить, что Лён тоже помер или был потерян младенчиком? – удивленно предположила я.

Брат отлип от зеркала, одним скачком преодолел расстояние в пару метров коридора, рванул на себя дверь и выдохнул, как из воздушного шарика воздух выпустили. В комнате, которую они делили с Данькой, осталась только одна детская кровать с бортиком. Двухъярусная исчезла так же, как и рабочий стол Лёна. Там теперь был маленький спортивный уголок и прорва мальчишечьих игрушек.

– Круто! Это так реальность прогибается, сглаживая последствия исчезновения маски? – Я была поражена, пытаюсь коряво применить свои книжные фэнтезийные знания к натуральному невероятному настоящему.

– Потому эта магия требует столько энергии, потому и плата за нее так велика. Ивер говорил, что чаще всего тот, кто проводит ритуал, целиком отдает жизнь и магию. Как твоя мать. И то не всегда срабатывает, – вставил охотник и поторопил нас, как пару неразумных малышей: – Пора уходить. Снявшим маски не место там, где они раскололись. Последствия могут быть странными.

– Это тебе дядя Ивер сказал? А почему не мне? – я почти обиделась. Меня что, за дуру держат?

– Не хотел огорчать. Не был уверен, что ты сможешь вер-

нуться, что тот, кого ты называла братом, сможет расстаться с маской и выжить, что, после падения твоей, ты осталась в его памяти. Случалось всякое. Иной раз маска падала, но истинный облик, сужденный от рождения, бывал утрачен, – аргументировал Чейр, перечислив навскидку ворох ужасиков.

– Это чего, мы с Лёном могли или еще можем в монстров превратиться? – почти испугалась я, заодно понимая, почему так не хотел отпускать меня сюда заботливый дядюшка. Ну прямо не некромант, а насадка!

– Вряд ли, – поразмыслив, рационально заключил Чейр. – Ты, моя княгиня, уже носишь на груди Архет. Артефакт прокладывает тебе путь, значит, ты признана Киградесом, и маска, сотворенная для иного мира, более не властна над тобой.

– А Лён? – я почти потребовала ответа, пока брат молча пытался переварить все, что обрушилось на его теперь совсем блондинистую голову. Он не дурак и не тугодум, но враз узнать столько всякого – врагу не пожелаешь!

Охотник подступил к Лёнке, склонил голову к его лицу, втянул воздух, хорошо еще лизать или на зуб пробовать не стал, и промолвил:

– Да, маска упала или завершает падение. Я вижу и чую юношу лоэ-диэль из Дивнолесья. Род... Хм-м, пожалуй, Фаэль или родственный. Чтобы точно сказать, мне надо или крови вкусить, или по его снам прогуляться. Глаза зеленые, в изумруд, у других оттенок травы и листвы. Форма харак-

терная, не кошачий овал, а с углом на излом. В Дивнолесье такие лишь у династии Фаэль были.

– Были? – тут же уцепилась за слово я.

– Мутные дела, – то ли задумчиво, то ли брезгливо проронил Чейр. – Поговаривают, сгнули Фаэль, растворились, как лист в лесу. Диэр править пытались, да Лес недолго их терпел, лишил милости. Из Фаэль отыскивали какую-то древнюю развалину. Последняя сухая ветвь некогда великого дерева. Престол Лесного Чертога принял ее, договоры меж нами в силе, но не более того. Род она продолжить не способна.

– Значит, Лён может быть наследником из этих Фаэль? – я почти не удивилась. Ну а что? Если я княгиня, то чем мой братец не принц эльфийский? С его-то манечкой на зеленку! Вот если б он оказался украденным из колыбельки гномом, тогда да, повод для изумления бы нашелся.

– Фаэль? Очень вероятно. Дочь Владыки была отравлена, но не убита, потому как уже носила дитя и Лес смог ее защитить частью. Она смогла скрыться и родить, только потом сдалась отраве. Может, и выжила бы, но, думается мне, все силы на заклятье подмены отдала ради дитя, – поделился эксклюзивной информацией охотник и напомнил: – Уходить надо, маска почти упала. Архет таков, суть проявляет вне зависимости от мира.

Словно в подтверждение этих слов артефакт дернулся на груди и обдал меня новой щедрой порцией тепла на грани

жара, как живые взвились туманные спирали в кристалле.

Я торопливо выложила на круглую столешницу в коридоре мешочек с компенсацией для тех, кто был нам родителями. Плохими? Никакими? Ну какими могли, такими и были, голодом не морили, заботились, хоть и не любили.

Интересно, во что мешочек превратится, если тут все меняется? В пачку купюр? Или так и останется кожаным кошельком с монетами и камнями? Проверить не смогу, некогда! И еще жаль, что Даньку потискать напоследок не получится, но пусть у малого все будет замечательно. Его-то точно любят!

Я ухватила заторможенного Лёна за руку:

– Пошли, брат, нам пора! Не стой под стрелой!

И Лён, мой острый на язык шустрый братец, пошел, как пыльным мешком из-за угла ударенный. Может, и не покорно, но безгранично доверчиво. Сжав мою руку почти до боли, как утопающий, успевший нахлебаться водицы, вцепляется в спасательный круг.

Архет засиял золотым с зелеными переливами нежным светом и проложил нам путь, не дожидаясь какого-то изъясления устных желаний о маршруте с моей стороны. Проложил вовсе не в замок Киградес или Нейссар под крылышко дядюшке-некроманту, а на живописную поляну, целую поляницу, с ковром густо-изумрудной травы под громадным раскидистым деревом с гладкой светлой корой и серебряно-золотой листвой. Пахло ароматом трав, цветов, свежести. Таким воздухом хотелось дышать и дышать, разбираясь

в оттенках запахов и вкусов. Небо над головами сияло ярчайшей синью. Невидимые птички и насекомые обеспечивали звуковое оформление уровня профессионального оркестра.

– Упс, это мы где? – уточнила я у единственного, кто мог сейчас сыграть за проводника и консультанта – Чейра.

– Все в воле Архета, и пути свивает он во благо Киградеса. Мы в Дивнолесье, – проинформировал охотник, настороженно изучая окрестности. Может, насчет воли и блага для Киградеса Чейр ни на миг не сомневался, но вот по поводу своего личного испытывал некоторые сомнения, потому сохранял бдительность. – Это поляна коронации – Лесной Чертог. Я был здесь, когда последняя Фаэль принимала трон.

– А вот и прямой ответ на вопрос о происхождении Лёна, – выпалила я и пискнула, когда братец снова сжал мои пальцы чуть ли не до хруста.

– Лирка, у меня такое чувство, будто я заснул и никак проснуться не могу, – запинаясь, выдохнул мой братец-эльф. Теперь уже стопроцентный эльф – отросшие уши и волосы, ставшие яркими глаза и утончившиеся черты лица свидетельствовали об этом однозначно.

– Уверяю тебя, принц, ты не в грёзе, – проронил раньше меня Чейр. Ну да, кому как не ему в этом разбираться, если он по снам гуляет и народ там пугает.

– У меня вчера такое же было и до сих пор не кончается, – посочувствовала я Лёну, обнимая его. – Но я сразу скажу, тебе со «сном» повезло больше. Мой поначалу на кошмар с

расчлененкой тянул, братец.

– Ты все еще зовешь меня братом? – с тревогой спросил Ленька.

– Ага, за двадцать с лишком лет привыкла и отвыкать не собираюсь. Против? – сварливо уточнила я.

– Нет, сестренка! Только за! – впервые улыбнулся, пусть слабо, но зато искренне, Лён и обнял меня в ответ.

Глава 11. Коронация по-эльфийски и ее последствия

Я хихикнула и легонько щелкнула братца по соблазнительному кончику острого уха. А он даже не возмутился, только сдвинул пшеничные брови и поделился шепотом, сомневаясь в собственном здравом смысле:

– Оно меня зовет.

– «Оно» – это плохо, я Кинга в реале не хочу и клоунов терпеть не могу! – тут же отреагировала я, а брат прыснул, мотнул головой и исправился:

– Я про дерево.

– Иди, – коротко посоветовал Чейр. – Так надо, аэр!

– Аэр? – уточнила я, пробуя на вкус и заодно требуя перевод почему-то смутно знакомого термина.

– Если зовет средоточие Дивнолесья, – охотник кивком указал на величественное дерево, монополизовавшее поляну, – значит, воистину аэр, Владыка Леса, иной голоса Древа явственно не услышит. Я был прав в своих предположениях.

– О, проверка вызова заодно идет, как проверка крови и соответствия кандидата на должность? У нас Архет, у них – «здравствуй, дерево!» – неволью я снова хихикнула над абсурдностью ситуации. Разговариваешь с деревом – ты принц

эльфийский, не разговариваешь – никто и звать тебя никак. В сторону вопрос разговора с зелеными насаждениями по причине психической нестабильности.

Но шутить вслух я не стала. Смысл? Лён никого больше не слышал или не желал слушать. Он ломанулся к дереву, как к потерянному в младенчестве родственнику, и обхватил его ствол. Ствол был великоват для полноценного обхвата раз эдак в пять-семь, может даже десять, поэтому братец не кролик, хоть и с ушами, не столько обхватил дерево, сколько распростерся на нем по вертикали, как большой лягух.

То ли так было положено, то ли Лён задел какой-то скрытый сучок, но обнимашки возымели странный эффект. Списала бы на галлюцинации, так ведь ничего сейчас не ела и не пила. Дерево пришло в движение. Не банально листочками зашевелило или ветвями, как от сильного ветра. Все оказалось гораздо круче!

Метаморфозы начались со стволом лесного гиганта. Для начала в нем появилось что-то вроде большого дупла для белок-динозавров, потом кора и вовсе потекла горячим воском, образуя древесный трон. Натурально! Сиденье, подлокотники, спинка – все из листьев, ствола, ветвей. И на эту живую сидущку полудобровольно, полуподневольно усадили Леню. Часть тонких ветвей сверху свинтилась в рога-то-ветвистый венец и оказалась нахлобучена на взъерошенную голову очумевшего братца.

– Ого, ты, брат, и олень! – восторженно выдохнула я.

– Я тебе что, Поттер? – вяло возмутился Лёнька, чуть пришедший в себя, пытаясь ерзать на троне, и, кажется, средоточие Дивнолесья его услышало и осознало оплошку в дизайне.

Рогато-веточное, клонящее голову к земле недоразумение оперативно трансформировалось в весьма стильный, вполне себе мужской венец из веточек и листиков. Оставшись нахлобученным, украшение продолжило процесс украшательства себя, обзаведясь белыми, золотыми и серебряными цветами с ноготок на моем мизинце величиной. Ничего так, величественно получилось, во всяком случае, лучше рогатого ужаса. И Лёну шло! Даже в своей растянутой домашней футболке и драных джинсах он стал очень представительно выглядеть.

На сем знаменательном событии представление не закончилось. Лёньку дерево держало «короной» и «троном», а на полянке, как грибы после дождя в ускоренной съемке – чпок, и здесь! – начали возникать люди. Хотя нет, все-таки эльфы. Уши уж больно приметные имелись у всё прибывающих и прибывающих длинноволосых и изящных кадров разной степени потрясения и даже, судя по округляющимся по-анимешному глазкам, офигевания.

Причем у средоточия явно имелся какой-то особый пункт на фиксацию гостей. Потому что почти все явившиеся оказались в разной степени спутаны, кто до колен, а иные даже выше, яркой газонной травкой, подростой как на лошадиных дозах удобрений. Лишь троих трава не тронула –

одну девицу с удлинённой стрижкой каре и парочку пепельных блондинов, чьи волосы были заплетены в косы. И от них почему-то отшатнулись все гости полянки, несмотря на добротную фиксацию в травах.

– Мой аэр, Дивнолесье снова в дланях надёжного Владыки! – первой отмерла и раскрыла рот эльфийка. Молодая на вид, но с бледно-бледно-голубыми, будто выцветшими от времени глазами.

У нее в волосах, как и у Лёна, имелся стильный венок из веток и травы, только он стремительно усыхал, переходя из состояния первой свежести к готовому гербарии. «Эй, да не прежняя ли это правительница из Фаэль? Скорее всего!» – решила я. А старушка-эльфийка закончила речь о передаче власти и с умиротворённым достоинством опустила на колени прямо в траву. Руки же протянула раскрытыми ладонями в сторону древесного трона. Никакого недовольства от бывшей правительницы не шло, скорее гордая радость атланта, ухитрившегося не уронить небесный свод в ожидании припозднившегося сменщика.

Примеру склонившейся дамы последовали все, кто был на поляне. Ветром, шепотом, птичьим щебетом, шорохом листы пронеслось по лесному тронному залу: «Аэр, Владыка, аэр, Чертог Листвы приветствует истинного Владыку...»

И лишь трое остались стоять, не считая меня и Чейра. Девушка с каре и парочка длинноколых блондинов. Они вроде и хотели принять позу присяги, да трава не пустила, молние-

носно оплетая в столбы.

– Киградес, в лице ригаль-эш Алиры приветствует аэра Дивнолесья! – вдруг, дождавшись паузы, торжественно выдал Чейр.

«А чего, надо было речь толкнуть?» – сконфуженно нахмурилась я, чувствуя себя полным нулем в светских правилах и межмировом этикете.

– Я рад видеть мою названую сестру Алиру в этот торжественный день. Ныне и всегда она желанная гостья в наших чертогах, – выдал с древесного трона Лён. Судя по его округляющимся зеленым глазам, выдал, не осознавая, что говорил, в такт шелесту венка на голове.

Или?!. Ну конечно, он же сейчас фактически за пультом управления Дивнолесья сидел, поэтому видел и понимал все иначе, чем понимал бы, находясь сам по себе. Это как я с Архетом и я без Архета – две большие разницы. Только моя связь с артефактом касается прокладывания путей между мирами и в мирах, а у Лёна все на подключение к Лесу заточено. Потому мне артефакт таких бонусных подсказок не выдает. Обидно, да!

– Владыка, в дланях твоих наши сердца, – промолвила стриженная девушка, склонив голову. Два ее спутника покорно продублировали жест. Иной позы смирения они принять не могли из-за мешающей растительности.

Лён моргнул и помрачнел, вцепившись в подлокотники трона. И вдруг все застыло. Даже листва прекратила шуметь

гимн во славу аэра. Замерли все эльфы, словно выпали из русла времени. Братец соскочил с трона и выпалил, отчаянно сжимая руки в кулаки:

– Лирка, что делать? Я не хочу убивать! Не хочу начинать с крови! Они же не виноваты ни в чем!

– Эй, ты чего, время тормознул? – удивилась я стоп-эффекту.

– Нет, все замерло лишь для них, – Лен мотнул головой на присягающих эльфов и почесал голову под венцом, устроившим ему стоп-паузу.

– Оки-поки, а в чем проблема-то? – попыталась понять я. Зачем вообще кого-то убивать? Никтож ни на кого не покушался.

– Девушка – невеста отвергнутого Дивнолесьем Владыки из рода Диэр. Он сел на трон, но встать не смог. Лес платой за попытку забрал его и весь род, кроме этих двоих, назначенных блюстителем чести невесты. Они ж даже с заговорщицами не мутили, только девчонку защищали. Тут сложно, – братец снова почесался, будто блохи его кусали или мысли. – Она еще не Диэр, но уже не Ноэль. Застыла посередине, как муха в янтаре, и они как блюстителю – тоже, потому и не ушли с родом, которого больше нет.

– Жестко тут... – напряглась я, опасливо думая, если у светлых эльфов так, то как у реш-кери. Их-то добрыми никто никогда не именовал.

– Лес не добр и не зол, он Лес, а этим троим более нет

места в его пределах. Чертог Листвы не примет их присягу. Я их должен убить. Меч Лес готов вырастить, и кровью напитается поляна коронации.

– «Ра-ра, от крови растет трава?» – машинально щегольнула я цитаткой и предложила, пожав плечами: – Так пусть уходят из Дивнолесья. Убрать из Леса не значит лишить жизни.

– Не получится. Я ж сказал, сложно. Они связаны с Лесом узами, как и все лоэ-диэль, симбиоз как бы, не физический, а энергетический. Если я связь оборву изгнанием, то просто убью еще более жестоко, чем мечом, – Лён посмотрел на правую руку, где, помимо его воли, шустро проявился или пророс деревянный, но от этого не выглядывший безобидным, длинный клинок и прилип с ладони.

– Жалко, красивые ребята, – согласилась я с нежеланием братца начинать правление с кровавой жатвы и оскудения генофонда. Травке-то полезно, а вот живым двуногим эффект противоположный. Вроде как у эльфов вообще с рождаемостью не очень.

– Бери себе! – хохотнул Чейр, не испытывающий от всей кутерьмы ни малейшего напряжения. Хвостатый адреналинщик снова развлекался. Жизнь каких-то случайных ушастиков, ставших жертвами обстоятельств, для него ни малейшей ценности не имела.

– Лирка, и правда, возьми! – на долю секунду замерев, с новым пылом взмолился братец, осененный то ли своей ду-

рацкой идеей, то ли подсказкой с пульта управления Лесом.

– Как вы это представляете? – настал мой черед охренивать от тандема «бюро ценных советов». – Ты, Лён, сам только что сказал, что они с Лесом повязаны. А я ни разу не лес и даже не дерево.

– Я на тебя узы перекину. На Владеющую Архетом. Так можно! – выпалил братец, все больше округляя глаза от обилия ценной информации, поступающей напрямую в голову.

– Ага, коржики-пирожки, так твои эльфы и ринулись с разбегу на реш-кери работать, – скептически хмыкнула я, вспоминая неприязненное отношение дядюшки к лоэ-диэль и подозревая, что это чувство обоюдное. Политика политической, но мы все-таки очень разные. Это что, я уже «мы» сказала? Мы? А с другой стороны, куда деваться от реальности, данной в ощущениях? Лён отныне эльф, я реш-кери.

– Мы пойдем, княгиня, если таково решение нашего аэра, это достойный выбор, – отмерла, переглянувшись с парой светлокосых юношей, несостоявшаяся невеста, чьи волосы были по цвету чем-то средним между ярким золотом и медью. Интересный оттенок, решила бы, что мелирование, да тут некому красить.

Лён тут же, почти торопливо, заверил всех остроухих, что готов послать их лесом, полем, лугом и любыми иными окрестностями в любую точку по выбору, только желательнее побыстрее. Не зря торопил, деревянный меч в его ладони как-то уж слишком ретиво подрагивать начал.

Ну и что мне было делать? Убивать бездействием – это все равно убивать. А эти эльфы мне ничего дурного не сделали. Пришлось соглашаться:

– Давай, если получится, возьму с собой, а там разберемся, куда их пристроить.

Лён просиял, прикусил губу и насупился. Он так всегда делает, когда рисовать собирается или с математикой натуральный затык. Но учебника рядом не было, скетчбука и карандашей тоже, стало быть, братец занялся сейчас именно тем, чем сказал – перекидыванием связи. Что бы это ни значило.

Додумать ценную мысль я не успела: на груди вспыхнул Архет, и синхронно вздрогнула вся троица. С запозданием в несколько секунд вздрогнула и я, удивленно прошипев:

– Коржики-пирожки!

Потому что сразу поняла: у братца получился его «кидок» связи. Теперь я чувствовала этих троих так же четко, как хвостатого. Не знаю уж почему (экзотики, что ли, захотелось?), но ценный артефакт Архет счел эльфов полезным приобретением и свил между нами прочные нити. Пожалуй, им, даже не будь они эльфами, после моего решения ту опасную елочку кустарникового типа в замке Киградеса можно было бы трогать без критического вреда для здоровья, как коренным реш-кери. А уж выйти из родного Леса и не помереть от симбиотической разлуки – и вовсе без проблем.

Глава 12. Неожиданное приобретение

Между прочим, переброску связи ощутила и троица. Девушка изящно склонила голову набок и растерянно сказала:

– Больше нет неразрывных уз с Дивнолесьем, ты все сделал, Владыка аэр!

И непонятно было, радуется она, огорчается или сама пока не поняла, как ко всему относиться. Парочка с косами хранила каменное молчание и впечатлениями делиться не спешила. Ну и не надо. Приведу к Иверу, пусть решает, куда их приспособить. Чувствуется, дядюшка у меня не только мозговитый, но и хозяйственный, работу добровольцам враз найдет. Почему добровольцам? Это из той оперы, когда не хочешь – заставим, не знаешь – научим.

Архет то ли мысли мои подслушал, то ли так совпало, но снова встрепетнул на груди, призывая на уже открытый путь. Или путь вновь созданный, причем, судя по основательности – не тропа, а широкая дорога, – созданный всерьез и надолго.

– Нам пора, – сами собой слетели с языка слова.

– Уже? Лирка, бросаешь меня? – забеспокоился и чуток растерялся Лён.

– Не-а, уточняю распределение обязанностей. У тебя Дивнолесье, у меня Киградес – надо порядок хоть чуток навести,

чтоб в гости спокойно ходить. А бросать – не брошу. Своих не бросают! Архет между нашими союзными мирами дороги сплел такой конструкции, что хоть в многополосное шоссе их переименовывай! Энергопровод просто и путь в одном флаконе. Это точно толстый намек! Наверное, будем часто видеться. А тебе теперь пора дела принимать и осваиваться. Вон, у старушки поучись искусству управления эльфами. Лесом, как я поняла, – кивнув на элегантную растительную корону, – рулить учиться не надо.

– Так, – быстро улыбнулся Лён и шагнул ко мне.

Вот любит братец обнимашки. Я не особо, но с братом почему бы и нет, он свой! Хотя больше с Лёном я языками зацепиться люблю. С ним легко и здорово трепаться обо всем на свете, как ни с кем другим.

Легонько дернула братца за соблазнительно торчащий изпод золотых кудрей кончик уха и подмигнула:

– До встречи, Владыка, то есть аэр Леонид! Скучать тебе точно будет некогда, но мне кажется, с твоим веночком и моим кулончиком мы всегда сможем связь организовать даже без обязательно-физических встреч.

Братец за миг-другой завис, видать, получая информацию от «центра управления», и удивленно согласился:

– Сможем, Лирка! То есть ригаль-эш Алира!

Свернув прощание, а то эльфам-то уж точно время выходить из ступора, чтоб навеки на полянке не остаться и в каких-нибудь энто-эльфов не обратиться, я попросила Архет:

– Теперь нам точно пора, а то еще дядюшка волноваться будет. А это, полагаю, вредно для здоровья окружающих.

– Настолько суров? – осторожно спросила девушка с каре.

– Нет, просто некромант, – ухмыльнулся Чейр, явно получая немалое удовольствие от троллинга. Но ненависти или неприязни к эльфам хвостатый не показывал. Кажется, и не чувствовал. То ли не ксенофоб, то ли нельзя испытывать отвращение к потенциальной еде, если ты, конечно, не болен анорексией.

Кто-то шумно сглотнул. И это была не любопытная девушка, а один из парней с косами. Зато у Лёна, который в игрушках с равной частотой выбирал персонажа класса друида и некроманта, глаза разгорелись просто хищной радостью:

– Познакомишь?

– Обязательно, как в гости придешь! – торжественно пообещала я.

Кажется, своей готовностью и даже желанием знакомиться с некромантом братишка заработал немало очков в глазах уже бывших подданных и порвал в клочья очередной шаблон. Даже Чейр глянул на новоявленного аэра с задумчивым интересом ученого-вивисектора.

Лён чуть нахмурился и снова почесал голову под венцом. Наверное, соображал, что пора бы уже отменить общую заморозку, или пытался понять, как это сделать.

Хвостатый же, знаток страхов, цокнул языком и рекомендовал:

– Погоди, аэр, до нашего отбытия. И меч древесный в руке оставь.

– А ведь должно сработать, – чуть притормозив, сообразила я, что имел в виду спец по кошмарам.

Если трое изгоев исчезнут без следа, а клинок в руке свежекоронованного владыки останется, то вывод очевиден. Троих, как раньше профи в этом деле говорили, актировали. Значит, Владыка аэр суров и достоин всяческого уважения. И с ним лучше не шутить, если не стремишься стать четвертым и далее по списку. Дэор вон пытались с Фаэль «пошутить». И где они? Не видать, а Фаэль, как по волшебству, взяли и появились. Пусть всего двое, но это, может, пока или остальные где-то таятся до поры до времени.

Что до прочего, то я почти на сто процентов уверена, что старая эльфийская мадам Лёна обязательно натаскает. Такие дамочки, даже людские, только выглядят как хрупкий одуванчик: дунешь-плюнешь, и рассыплется. А на деле будто из стали откованы, и никакая коррозия им не страшна. Так что ждут аэра уроки управления от пожилого специалиста родственных кровей, ибо Леонид теперь честь, ум и совесть всех Фаэль и Дивнолесья, вместе взятых. А не захочет, так, судя по твердому взгляду присягнувшей потомку пра-сколькото-там-бабушки, она так надавит, что сразу захочет. Очень!

Лён насчет уловки с «запуском в расход» троицы мигом все понял и расплылся совсем не в доброй и всепрощающей улыбочке. А я, подозревав к себе изгоев, попросила Архет о

доставке к месту назначения.

Симбиотический камень-артефакт (кстати, здорово, что на груди подвеской болтается, а не врос с концами в тело, как сверкающая бородавка) перенес нас не куда-то в замок Киградес, а снова в рабочий кабинет дяди Ивера.

Оп, и вот мы уже стоим дружной кучкой пред очами усталого некроманта. Стоп, почему усталого? Ой, тут уже не утро, а день к закату клонится. Дядя что, совсем не отдыхал? Весь в делах и заботах сутки напролет? Нет, трудиться на благо Киградеса в целом и меня персонально – это очень даже гуд, но об отдыхе забывать нельзя категорически. А то эдак заработается, и бац – вместо живого и теплого дядюшки, любителя кипяченого молока, у меня будет неприятный нежданчик.

Насколько из сказок помню, помершие могущественные некроманты с большой долей вероятности восстают в качестве личей. И таким уже плевать на узы, связи, вообще на все человеческое. Значит, надо Иверу на уши присесть на счет режима дня! Но не при эльфах, репутацию портить не будем. А пока:

– Приветствую, дядюшка! Мы тут с Лёном, братцем моим Леонидом, махнулись не глядя. Он теперь коронованный Владыка в Дивнолесье, а это лишняя в лесу публика. Два мальчика и девочка с прекрасным генофондом. Архет одобрил. Найдем, куда пристроить?

Ивер поднял глаза от нагромождения каких-то разнокали-

берных шаров на отдельных подставках, отодвинул на край стола подшивку бумаг и остро глянул на троицу. Те вытянулись практически по стойке смирно. Но попытки сбежать не сделали. Опять же, куда? Сами согласились, сами пошли.

– Ригаль-эш Алира, примите мои поздравления по случаю восшествия на престол аэра Леонида. В вашей власти простирать покровительство на оставивших Лес лоэ-диэль. Воля Архета подтверждает правильность выбора. Что до назначения сих юных особей... – Ивер на миг-другой задумался, перебирая варианты, и предложил: – Насколько мне ведомо, в замке Киградес есть особый сад с редкими растениями, который почти не посещал Гвенд. Если гости принесут клятву служения, то вы сможете без опаски допустить их в сад и возложить честь присмотра.

– Гости уже считай не гости, а мигранты, потому как назад им хода нет. И они все равно что под клятвой, связь с Леса на меня через Архет мы с братом перекидывали. А растения такие же редкие, как реварра? – подозревая, что реш-кери гладиолусами и петуньями отродясь не увлекались, уточнила я.

– Куда более редкие, – добродушно улыбнулся Ивер.

При намеке на предстоящую возню с лютиками-цветочками, пусть даже опасными лютиками, напуганные близостью страшного некроманта, пугающего тем сильнее, что никакими угрозами не сыпал и зловеще не выглядел, эльфики малость приободрились. Вроде поверили, что здесь и сейчас их

на опыты через умерщвление не пустят.

А парочка с косами осмелела даже настолько, чтобы с достоинством объявить:

– Ри-креш Ивер, дозволено ли будет молвить? Из нас с братом ковали блюстителей чести для девы.

«Ну и ... с ним», – хотелось мне прокомментировать это странное заявление, но Ивер успел с реакцией раньше и то ли более язвительно, то ли более деликатно спросил:

– Это предназначение помешает вам возложить на себя заботу за особенным садом княгини Алиры?

Мальчишки мигом поняли, что палку перегнули и пустить их на опыты никогда не поздно, а потом можно еще и применить в качестве удобрений для бесценного сада. С лица не сбледнули, уважаю. Только девушка вздрогнула. Эльфы сдали назад почти изящно с синхронными полупоклонами:

– Никоим образом, ри-креш Ивер, мы лишь сочли важным упомянуть о своих особенностях.

– Услышано, – коротко ответил наместник, но так, что я в очередной раз поверила: дядюшка-некромант с легкостью в кулаке всех лордов, то есть креш и криш, будь они хоть «ре», хоть «ри», держит. Обожаю дядюшку! И с каждой минутой все больше!

– Я присмотрюсь к ним, – в свою очередь деловито пообещал некроманту Чейр.

Он явно имел в виду не слезку за потенциальными остроухими шпионами, судя по тому, как чуть удивленно вски-

нул бровь, но все-таки кивнул Ивер. Но что конкретно, допрашивать прямо сейчас не стала. Если мне не объяснили, значит, одно из трех: либо это настолько элементарно, что и сама должна сообразить, либо озвучивать при новичках не следует, либо это заморочка исключительно киградесская и мне не доступна для понимания в силу неосведомленности о местном менталитете. Но светлокосые эльфики, кажется, поняли, что реш-кери имели в виду, и гордо приосанились, всем своим видом выражая полную готовность к «присмотру».

Задумалась я о другом: безопасно ли отправлять на ПМЖ эльфов в замок Киградес к незримым слугам-духам, в резиденцию со встроенной магической программой защиты свой-чужой. А то спасти остроухих подданных Лёна только для того, чтобы их разобрало на запчасти от моего недосмотра, – это был бы дико нелепый треш.

Я попыталась обратиться мысленно за советом к Архету и получила в ответ не двусмысленное нечто, а конкретную «телеграмму». Совершенно безопасно, так как трое узами со мной связаны накрепко. Со мной и только со мной, потому замок уже в курсе и их пропустит и допустит в святая святых без угрозы расчлененки. Кстати, Чейр теперь тоже допуск в охранный периметр получил, как повязанный узами через артефакт. Вот и ладно. А то всяких дел, небось, еще прорва, и порезанный незримой проволокой хвостатый мне ни к чему. Он хоть и стебётся над всем происходящим изрядно, но

советы дает правильные. Как там говорится, если над вами смеются, значит, вы приносите радость? Так вот, пусть ржет. Польза важнее мнимого самолюбия.

Пока советовалась, дядюшка продолжил инструктаж:

– Ригаль-эш Алира, на завтра я объявил встречу Круга Князей Киградеса. Надо представить новую княгиню подданным. Слухи уже множатся.

– Ой, ладно, ты же меня, дядюшка, в обиду не дашь? – я улыбнулась и показательно захлопала ресничками. – Кстати, просто Алира, давай без слов на букву «р».

Чейр снова хохотнул и даже замотал хвостом, чисто конь белогривый:

– Ты и сама себя, носительница Архета, в обиду не дашь. Пути, мосты и двери в мирах и меж мирами нужны всем. А ты – ключ к ним.

– Ну да, пожалуй, – прикинула я выгоды мира и возможные кары потенциальным обидчикам. – Я не злопамятная, отомщу и забуду, а потом еще раз отомщу.

Чейр снова захохотал. Улыбнулся и Ивер. Даже эльфы заценили старую шутку-поговорку и довольно покивали. Она целиком и полностью соответствовала их циничным жизненным установкам, как залог выживания неплодовитой расы с долгим циклом. Расслабиться полностью в присутствии страшного некроманта с серыми волосами они, конечно, не могли, но часть напряжения их новая аэр сняла.

– Но про этикет реш-кери я знаю только то, что мне про

обращения Чейр успел объяснить, про ре, ри, креш и криш, – отметила я.

– Этого хватит, Алира, – невозмутимо уверил меня дядюшка. – Реш-кери из князей редко живут затворниками в своих владениях, чаще странствуют в мирах, потому жесткого этикета в Киградесе нет. Касательно прочего, я повторюсь, ты справишься, суть ригаль-эш, носительницы Архета, проявится в свой срок и поможет.

– Если так, ладно, только скажи – все эти князья, они для меня просто креш и криш, без приставок?

– Круг Князей для тебя «ре-креш», ты для них исключительно «ри-криш». Гвенд неизменно пользовался обращением «ре». Если общение с кем-то из князей перейдет на дружеский уровень, станет приемлемым опустить приставку, – пояснил дядюшка, но, кажется, в то, что среди Круга найдутся друзья, он не особо верил. Или это Гвенд дурной пример коллегам подавал, или такие коллеги сами кого хочешь дурному готовы были научить?

Пока точно не разобралась, но, по всему видать, я Киградесу куда нужнее, чем он мне. Живой придаток на ножках к бесценному артефакту. Не особо приятно себя таковой созвать, но, с другой стороны, есть нехилая гарантия того, что меня любители тактики «нет человека, нет проблемы» где-нибудь не прикопают, как у эльфов с родней Лёна поступили, чтобы все себе захватить. Архет, четко зацикленный на кровь рода, – это очень серьезный аргумент. Сейчас ситуа-

ция лишь немного прояснилась, а в остальное придется по ходу дела вникать. Хорошо, что есть дядюшка Ивер.

Получив еще кое-какую информацию о планируемом явлении княгини народу, решила забросить эльфов в Киградес, пока ничем новым не нагрозили. Надо глянуть, смогут ли они нормально устроиться, как уверяет артефакт, или придется менять планы на ходу и тащить компанию назад в Нейссар.

Я попрощалась с Ивером, Чейр сослался на дела в стане охотников и необходимость оформления у руководства долгоиграющего контракта со мной (хорошо, что не на меня). Хвостатый намеревался отбыть, коль я отправляюсь в Киградес. Уж куда-куда, а туда он теперь мог опустить меня без опаски.

Глава 13. «МАЛЕНЬКИЙ НЕВИННЫЙ САДИК»

Архет проложил нам дорогу не через коридор по постоянно действующему проходу, а прямо из кабинета Ивера на каменную площадку неподалеку от замка. Тут я еще побывать не успела, как и почти везде в фамильной резиденции. Несколько коридоров, тронный зал и многоуровневый склеп не в счет. Вокруг, если сойти с каменного пяточка, простирался совершенно заброшенный, неухоженный сад. То, что это сад, угадывалось лишь по каменным дорожкам, а так и за лес можно было легко принять. Странный лес, в котором я не узнавала ни одного растения.

Вроде бы какие-то, если не приглядываться, выглядели почти похоже, но стоило всмотреться повнимательнее, как сразу становилось ясно: это не наша трава, даже если это куст или дерево, все равно не наша. Чужая, но почему-то казавшаяся почти родной. Может, потому что Киградес, как ни крути, оказался моим? Домом, владением, подотчетной территорией?

Эльфы же, если в первые секунды после переноса выглядели пришибленными, то теперь, как на растениях сфокусировались, глазки у них разгорелись зелеными фонариками. Фанатики травы, точно! По Лёну помню! Лишь бы ее курить

и жевать не начали. А то с местных разновидностей, чую, будут очень мощные приходы.

В целом пока ушастые выглядели как кучка городских подростков на выезде, жаждущих немедленно обследовать местность. Того мощного давления угрозой неминуемой смерти, какому подвергались вчера мы с Чейром, не было. Значит, Архет сработал как надо и допуск у моих новых подданных на территорию Киградеса точно имелся.

Кстати, о новом. Не пора ли нам познакомиться? Я кашлянула, отвлекая глазающих фанатиков:

– Я, как уже слышали, Алира. Как вас-то звать?

– Прости, княгиня, – девушка с каре исполнила что-то среднее между коротким танцем и поклоном, с удивительной синхронностью все ее «па» повторили и парни с косами. – Наши титулы остались в Дивнолесье, отныне я лишь Кайриль, а моих спутников именууй Айдэс и Диэс.

Я порадовалась тому, что титулы остались где-то там, потому что длинные и многосоставные конструкции в названиях не люблю. Они ж, заразы, какой-то логике подчиняются очень редко, чаще всего приходится зубрить. А тут каждое имя два слога – просто сказка для склеротиков!

– Вот и познакомились. Вы сад хотите сразу весь осмотреть или в замок завернем и вам комнаты подыщем? Я сама Киградес лишь мельком видела, но места, где кости бросить, там точно хватит.

Кто-то из троих шумно сглотнул, и я поняла, что после

дядюшки мои слова как-то не так поняли, потому постаралась исправить ситуацию:

– Эй, я говорю о том, чтобы отыскать место, где удобно есть и спать, а не про убийства или пытки. Некромант у нас только дядя Ивер. Но он умелый управленец и переводить ради развлечения ценную именно в своем живом качестве рабочую силу в мертвое состояние не будет. Не по доброте душевной, конечно, просто не целесообразно!

– Прости, княгиня, мы ранее не имели чести знать вашего почтенного дядю, – постаралась оправдаться Кайриль.

«Я тоже», – подумала я, но озвучивать не стала, чтобы новых подданных не пугать пуще прежнего. У них и так сильный стресс: угроза смерти, экстренный переезд в другой мир, новый работодатель и так далее. Еще заикаться начнут или в обморок падать.

– Ригаль-эш Алира, а каким даром обладаешь ты? Позволено ли нам узнать? – осторожно уточнил тот, кого представили как Айдэса.

По мне, они с братом были совершенно одинаковыми, и что он именно Айдэс, а не Диэс, я видела лишь потому, что они стояли на каменном пятачке один слева, а другой справа от Кайриль во время представления и пока не поменяли положения. А разойдутся, я ж их нипочем не отличу. Может, попросить их нарукавные повязки носить или ленточки разного цвета в косу вплести? Не на лбу же им маркером по первой букве имени рисовать?

И тут я поняла, что артефакт Архет, во-первых, откликается на мои желания-движения мысли, во-вторых, хм, а вот тут уже возможны варианты: либо совершенно лишен чувства юмора, либо тролль восьмидесятого уровня. Потому что на лбах эльфов и впрямь возникли маленькие светящиеся буквы «А» и «Д». Видимые, если судить по отсутствию реакции на происходящее со стороны эльфов, только мне.

Однако компания ждала ответа на вопрос о даре и ждала не с вежливым любопытством, свойственным заурядному интересу к теме из области общих знаний, а чрезмерно настороженно. Почему? Ха, если их эльфийский мир с нашим соседствует, то информации о зловещих дарах реш-кери просачивается достаточно, попутно обрастая гиперболизированными деталями. Да и без использования литературного приема преувеличения возможности реш-кери милыми невинными причудами не назовешь. Это вам не цветочки и даже не баобабы пестовать. Вспомним хоть выдающийся талант папы Гвенда по части прахообразования, и все вопросы сами собой снимутся. Короче, зная хотя бы понаслышке покойного князя и только что увидав наяву дядю-некроманта, эльфы вполне могли сделать страшный вывод: даже если у реш-кери поголовно не весьма зловещие таланты, то та, которая зовет дядей повелителя мертвых, а отцом такое чудовище, как усопший ригаль-эш, и сама от них с гарантией не далеко ушла. Яблочко от яблони, дурная наследственность и все такое...

– Про дар свой пока ничего не знаю, если и проявлен, то не мне, или пока вовсе не проявлен. Как выясню, скажу, – пожалала я плечами.

Может, и соврала бы про что-нибудь безобидное, так ведь про дары реш-кери, кроме Чейрова и дядюшкиного, не андестенд, статистики нет. Потому и правдоподобно лапшу на острые уши развесить не получится. А неправдоподобно – нет смысла. Польза сомнительна, зато вред очевиден. Доверие, разок подорванное, вмиг не восстановишь. Если верить сказкам, то эльфов вообще обмануть сложно, они якобы умеют чувствовать ложь. Так что не рискнула мистифицировать.

– Я слышала от наставников, что порой особо редкие дары у реш-кери просыпаются поздно, – неуверенно постаралась меня утешить Кайриль с явным сочувствием в голосе.

Кажется, для нее в этой темке было что-то личное. Может, сама еще по своим эльфийским каналам с возможностями не разобралась, или обрела нечто, не котирующееся высоко. Если верить логике, то массовым для эльфов должен быть талант в русле искусства обращения с травками-муравками. Это именно то, что мне для ухода за садом нужно, так что зря девочка переживает. Если она вообще об этом, а не о приближении критических дней.

– А я вообще про дары почти ничего не знаю, – беспечно объявила я и снова вернулась к нашим «баранам»: – Там чем займемся – полазаем по саду или сначала в замок?

Ха! Можно было даже не спрашивать. Эльфы они такие

эльфы, по Лёну знаю. Тот всегда на даче сразу не как Данька, к телеку с мультиками, или в теплицы, как старшие, а в лес лиял с фантастической скоростью. Его еще даже не попросили коврик с крыльца вытрясти, а уже некого просить. Усвистел и только через три-четыре часа явится. Меня с собой порой звал. Но блуждание по буеракам с попутным выковыриванием из волос листьев, паутины и насекомых – это не мой фетиш. Так что гулял братец исключительно в одиночку. За полные пакеты отборных белых грибов (хоть раз бы червивый принес!) ему все прощали. Даже я, которой приходилось поливать и полоть за двоих. Потому как грибы в сметанке с картошечкой очень уважаю!

– Мы бы хотели сначала осмотреть сад, чтобы вникнуть в свою миссию, княгиня, – ловко выкрутились эльфы. И меня вроде как не обидели, и свою нацеленность на работу выказали.

– Пошли, – согласилась я.

Все равно до сада идти ближе, чем до замка, и вечер уже вплотную подступил, пока туда-сюда проходишь, ночь наступит. Мы пошли, и я почти сразу (уже через час) пожалела о своем рациональном решении, потому что рациональным оно ни фига не было. Коржики-пирожки, растительные фанатики обнюхивали, ощупывали взглядом, порой руками, хорошо еще не языком лизали, каждое растение на пути. Я предусмотрительно с дорожки не сходила, но и то набродилась по самую маковку и выше.

Начать скандалить я не успела, совесть у фанатиков взыграла раньше или тоже есть захотели? Как бы то ни было, остановившись на осмотре первой трети сада, мы повернули к замку. Ура!

По пути эльф с буковкой «Д» на челе, Диэс то есть, сорвал с одиноко стоявшего кустика – пародии на смородину (шипы сантиметров пять, не меньше, а так смородина смородиной, даже пахла так же!) одну засохшую черную ягодку и сунул в рот. Остановить его никто не успел: парочка других остроухих и не подумала, а я слишком поздно засекала акт дегустации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.